

СТИХОТВОРЕНІЯ

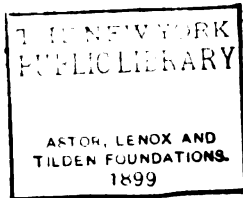
АПОЛЛОНА МАЙКОВА

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАНИЕ ГРАФА Г. А. КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1858

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 4 Марта 1858 года.

Ценсоръ И. Гончаровъ.

**ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША,
на углу Вознесенскаго и Екатерининскаго проспектовъ, въ домѣ Дел.**

11091111

ТРИ СМЕРТИ.

ЛИРИЧЕСКАЯ СЦЕНА ИЗЪ ДРЕВНЯГО МІРА.

—

Поэтъ Луканъ, философъ Сенека и эпикуреецъ Люцій приговорены
Нерономъ къ казни, по поводу Пизонова заговора.

*Комната въ античномъ вкусѣ; посрединѣ столъ съ яствами;
около него ложа. Люцій, эпикуреецъ, одинъ, какъ слѣдуетъ,
возлежитъ за обѣдомъ. СЕНЕКА пишетъ завѣщаніе. ЛУКАНЪ
въ глубокой задумчивости. Въ углубленіи сцены группа друзей
и учениковъ Сенеки.*

ЛЮЦІЙ (омываетъ послѣ пды руки во-
дою, въ чашкѣ, поданной ра-
бомъ, говоритъ).

Мудрецъ отличенъ отъ глупца
Тѣмъ, что онъ мыслить до конца.

И вотъ — я долго наблюдаю,
 И нахожу, что смерть разить
 Всего скорѣе аппетитъ.
 Я цѣлый часъ жую, глотаю,
 Но все безъ вкуса — и не сытъ!...
 Вина попробуемъ! быть можетъ,
 Живая Ваххова струя
 Желудокъ дремлющій встревожить....
 Ну, кто же пьетъ со мной, друзья?
 Луканъ!... да ты какъ въ лихорадкѣ!
 Въ Сенекѣ строгій стоицизмъ
 Давно разрушилъ организмъ!
 И если вы въ такомъ упадкѣ —
 Не мудрено, что въ этотъ часъ
 Мой здравый разумъ бѣситъ васъ!

ЛУКАНЪ.

Въ часъ смерти шутки неприличны!

ЛЮЦІЙ.

Но лучше умереть шутя,
 Чѣмъ плакать, рваться, какъ дитя,
 Безъ пользы!

ЛУКАНЪ.

Мнѣнія различны!
Кто жизнь обжорству посвятилъ,
Тотъ потеряетъ съ ней немного!

ЛЮЦІЙ.

Э, милый! не суди такъ строго!
Я, признаюсь, еще бѣ пожилъ,
И неохотно умираю....
Но, чтобы съ честью этотъ шагъ
Свершить — въ твоихъ, мой другъ, стихахъ
Себѣ отваги почерпаю.
«Посланье къ смерти» помнишь ты?
Въ немъ есть высокія черты!
Съ скелета смерти снялъ ты смѣло
Земной фантазіи цвѣты....
Ты помнишь: *(Декламируетъ)*.

«Друзья! намъ смерть страшна лишь тѣмъ,
Все кажется, что не совѣмъ,
Не разомъ мы умремъ,
Что будемъ видѣть мы свой трупъ,
Улыбку неподвижныхъ губъ,
Глаза съ тупымъ врачкомъ;

А мухи, стаей по лицу,
 Безъ уваженья къ мертвецу,
 И по лбу поползуть;
 И съ содроганьемъ отъ тебя
 Родные, близкіе, друзья
 Въ испугѣ отойдутъ....»

ЛУКАНЪ.

Ужасный образъ! какъ я могъ!...

ЛЮЦІЙ.

Позволь! въ концѣ — благой урокъ.

(Читаетъ далье.)

«Что даже изъ земли сырой
 За рѣзвой жизнию земной
 Слѣдить твой будетъ слухъ;
 И между тѣмъ, какъ надъ тобой
 Весна покровъ разстелетъ свой,
 И заперѣтъ лугъ, —
 Червь на тебя ужь нападетъ
 И жадно ѣсть тебя начнетъ
 И щеки, и бока....»

ЛУКАНЪ *(перебивая его)*.

Да перестань!

люцій *(продолжает)*.

«И будешь вѣчно рваться ты
На свѣтъ изъ душевной темноты —
Да крышка-то крѣпка!

Но, смертный, знай! твой тщетенъ страхъ!
Вѣдь на своихъ похоронахъ
Не будешь зритель ты!

Вѣдь вмѣстѣ съ дружеской толпой
Не будешь плакать надъ собой
И класть на гробъ цвѣты;

Но смерти ты сталъ вѣ тревогъ;
Ты сталъ загадкою, какъ богъ,
И вдругъ душа твоя,

Какъ радость встрѣтила покой,
Какого въ жизни нѣтъ земной —
Покой небытія!»

Вѣдь превосходно! Эпиктетомъ
Проникнуть живо каждый стихъ!
Прошу покорно — вѣрь поэтамъ!
Мечты и вѣрованья ихъ
Подвижнѣй тучекъ золотыхъ!...
Вы всѣ на колоколь похожи,
Въ который можетъ зазвонить
На площади любой прохожій!

То смерть зоветь, то хочеть жить,
 То снова къ жизни равнодушень....
 Задача, право, васъ понять!...

ЛУКАНЪ.

Что жъ этимъ хочешь ты сказать?
 Что вѣтренъ я и малодушень?...

СЕНЕКА *(первставая писать, удерживаетъ Лукана)*.

Оставьте споръ! прилично ль вамъ
 Безумнымъ посвящать рѣчамъ
 Свои послѣднія мгновенья!
 Смерть—шагъ великій! *(Къ Люцію.)* Вѣрь мой другъ,
 Есть смыслъ въ Платоновомъ ученѣ —
 Что это мигъ перерожденья.
 Пусть здѣсь убьетъ меня недугъ —
 Но, какъ мерцаніе авроры,
 Какъ лилій чистый оиміамъ,
 Какъ лиръ торжественные хоры,
 Иная жизнь насъ встрѣтитъ — тамъ!
 Въ душѣ, за симъ земнымъ предѣломъ,
 Проснутся, выглянутъ на свѣтъ

Иныя чувства, роємъ цѣлымъ,
 Которымъ органа здѣсь нѣтъ.
 Мы — боги, скованные тѣломъ,
 И въ этотъ дивный переломъ,
 Когда я покидаю землю,
 Я прежній образъ свой приѣмлю,
 Вступаю въ небо — божествомъ!

люцій.

Я спорить не хочу, Сенека!
 Но отчего такъ созданъ свѣтъ,
 Что гдѣ хоть два есть человѣка —
 И два есть взгляда на предметъ?
 Твое, какъ молотъ, сильно слово —
 Но убѣждаюсь я въ иномъ....
 Существованія другаго
 Не постигаю я умомъ!
 Взгляни на лавры вѣковые —
 Ихъ листья, каждый въ свой чередъ,
 Перемѣняются что годъ —
 Одни спадутъ, взойдутъ другіе,
 А лавръ все зеленъ, вѣчно свѣжъ,
 И листья будто вѣчно тѣ жъ....
 Вотъ такъ и мы — Луканъ, Сенека,

Слуга покорный вашъ — умереть...
 Отпадшій листь! но заживеть,
 Какъ прежде, племя челоуѣка!
 Иной появится пѣвецъ,
 Другіе будутъ жить и вздорить,
 Страдать, любить, о томъ же спорить,
 О чемъ и мы съ тобой, мудрецъ!...
 Но пусть по смерти жить мы будемъ!
 (Тебѣ готовъ я уступить!)
 А все себя мы не принудимъ
 Безъ сожалѣнья кончить жить.
 Намъ непріятна перемѣна.
 Вотъ что мнѣ кто-то говорилъ:
 На островѣ какомъ-то жилъ
 Философъ секты Діогена.
 Онъ въ бѣдномъ рубищѣ ходилъ,
 Спалъ гдѣ пришлось прилечь къ сараю,
 Босой, съ клюкой, нужда кругомъ....
 Какимъ ужъ случаемъ, не знаю,
 Всему вдругъ вздумалось краю
 Его избрать своимъ царемъ.
 Что жъ? царскій пурпуръ надѣвая,
 И тряпки ветхія скидая,
 Объ нихъ вздохнулъ онъ тяжело,
 И пожалѣлъ удѣлъ убогой,

Сказавъ: вѣдь было же тепло
 Подъ сей цинической тогой!
 Не то же ль съ жизнью земной?
 Достигши вѣчнаго предѣла,
 Жалѣешь бросить это тѣло —
 Покровъ убогій и худой!
 Ты говоришь, что мы одною
 Съ богами жизнью заживемъ?
 Да лучше ль намъ? Ну, какъ порою,
 Смотри, какъ мы свой вѣкъ ведемъ,
 Богини съ грозными богами,
 Какъ волки щелкають зубами!
 Смотри какъ смертный ѣсть и пьетъ,
 И съ смертной тѣшится любезной,
 Они, быть можетъ, бесполезно
 Крѣпясь, облизываютъ ротъ!
 Что мнѣ въ ихъ жизни безъ волненій?
 Мирами что ли управлять?
 Въ нихъ декорациі мѣнять,
 И, вмѣсто всякихъ развлеченій,
 Людми какъ шашками играть,
 И какъ актерами плохими,
 Отнюдь не увлекаться ими,
 Ни скучной пьесой!... Нѣтъ! Клянусь,
 Я въ боги вовсе не гожусь....

ЛУКАНЪ.

Нѣтъ! не страшать меня загадки
 Того, что будетъ впереди!
 Жаль бросить славныхъ дѣлъ начатки,
 И все, что билося въ груди,
 Что было, мнѣ всего дороже,
 Чему всю жизнь я посвятилъ!
 Мнѣ страшно думать — для чего же
 Во мнѣ кипѣло столько силъ?
 Зачѣмъ же сила эта крѣпла,
 Росла, стремилась къ торжествамъ?
 Титанъ, грозившій небесамъ,
 Ужели станетъ горстью пепла!
 Не можетъ быть! гдѣ жъ смыслъ въ богахъ?
 Гдѣ высшій разумъ? Провидѣнье?
 Вдругъ человѣка взять въ лѣсахъ,
 Возвысить въ мѣрѣ, дать значенье,
 И вдругъ — разбить безъ сожалѣнья,
 Какъ форму глиняную въ прахъ!...
 Ужели, съ даромъ пѣсенъ лира
 Была случайно мнѣ дана?
 Нѣтъ! въ ней была заключена
 Одна изъ силъ разумныхъ міра!

Народовъ мысли — образъ дать,
 Ихъ чувству — слово громовое,
 Вселенной душу обнимать
 И говорить за все живое —
 Вотъ мой удѣлъ! вотъ власть моя!
 Когда для правды безпріютной,
 Въ сердцахъ людей мелькавшей смутно,
 Скую изъ слова образъ я,
 И тутъ враговъ слѣзная стая
 Его подхватитъ, злѣсь и лая,
 Какъ псы обглоданную кость, —
 Все, что отвергнуто толпою,
 Все веселилося со мною,
 Смотри на жалкую ихъ злость!...
 А злоба мрачныхъ изувѣровъ,
 Ханжей, фигляровъ, лицемѣровъ,
 Съ которыхъ маски я сбивалъ?
 Дитя — ихъ мучилъ и пугалъ!
 Столповъ отечества заставить
 Я могъ капризамъ льстить моимъ —
 Тѣмъ, что я ихъ стихомъ однимъ
 Могъ вознести или обезславить!
 Съ Нерономъ спорить я дерзалъ —
 А кто же спорить могъ съ Нерономъ!
 Онъ ногти грызъ, онъ двигалъ троновъ,

Когда я вслѣдъ за нимъ читалъ,
 И въ залѣ шопоть пробѣгалъ....
 Что жъ? не былъ я его сильнѣе,
 Когда, не властвуя собой,
 Онъ опрокинулъ тронъ ногой
 И вышелъ — полотно бѣлѣе?
 Вотъ жизнь моя! и что жъ? ужель!
 Вдругъ умереть? и это — цѣль
 Трудовъ, великихъ начинаній!...
 Побѣдный лавръ! вѣнецъ желаній!...
 О, богѣ! нѣтъ! не можетъ быть!
 Нѣтъ! жить, я чувствую, я буду!
 Хоть чудомъ — о, я вѣрю чуду!
 Но долженъ я и — буду жить!

(Входитъ центуріонъ, со свиткомъ въ рукѣ).

люцій *(указывая на Центуріона.)*

Вотъ — и спаситель! Ну, покуда
 Тутъ нѣтъ еще большаго чуда. *(Къ Центуріону.)*
 Какія новости?

центуріонъ *(подавая ему свитокъ).*

Декретъ

Сената.

люцій.

Други! шлетъ привѣтъ
Сенать къ намъ! уваженъе къ власти!

ЛУКАНЪ.

Читай!

люцій.

Стой! кто рѣшитъ впередъ —
Жизнь или смерть? закладъ идетъ?

ЛУКАНЪ.

Я бь разорвалъ тебя на части
За эти шутки!

(Вырываетъ свитокъ и читаетъ декретъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что Сенать, въ неизреченной милости своей, избавляетъ ихъ отъ позорной казни, даруетъ имъ право выбрать родъ смерти и самимъ лишить себя жизни; сроку до ночи. Центуріонъ обязанъ наблюдать за исполненіемъ декрета, и о повлѣдующемъ донести.)

люцій.

Не дуренъ слогъ. Писать умѣютъ.

ЛУКАНЪ.

Злодѣи! изверги!

люцій.

Притомъ

Приличье тонко разумѣютъ —

Что одолжаться палачемъ

Неблагодарно человѣку... (*Къ Центуриону.*)

Но что ты смотришь на Сенеку?

ЛУКАНЪ.

Ты тронуть! ты потушилъ взглядъ!

Въ твоемъ лицѣ слѣды смущенья!

О, вѣрь мнѣ, то боговъ внушенья!

Спаси намъ жизнь! благословяте

Тебя народы! Предъ тобою

Мудрецъ съ маститой сѣдиною —

Онъ чистъ какъ дѣва, какъ Сократъ!

ЦЕНТУРІОНЪ.

Мой долгъ....

ЛУКАНЪ.

Твой долгъ! а жить безъ славы! •

Для дикой прихоти губя
 Людей, отечество, себя,
 Прожить слѣпцомъ въ грязи кровавой!
 О, если долгъ въ твоей груди
 Не все убилъ, то — отведи
 Меня въ Сенать! Какъ съ поля битвы
 Предъ смертью ратнику, сказать
 Дай мнѣ послѣднія молитвы!
 Дай мнѣ предъ смертью завѣщать
 Безъ лжи, передъ лицомъ вселенной,
 Все, что привыкъ я неизмѣнной,
 Святою истиной счтать!

(Центуріонъ, не обращая вниманія на Лукана, удаляется въ глубину комнаты. Луканъ продолжаетъ, въ сильномъ волненіи.)

Я имъ скажу — въ нихъ чести нѣтъ!
 Въ нихъ умъ какой-то мглой одѣтъ!
 Для нихъ отечество и слава —

Рѣчей напыщенныхъ приправа!
 Величіе народа въ томъ,
 Чтò носить въ сердцѣ оиъ своемъ;
 Убивъ въ немъ доблести величье,
 Заставивъ въ играхъ и пирахъ
 Забыть добра и зла различье,
 Въ сердца вселяя только страхъ,
 Отъ правды казнью ограждаясь,
 И предъ рабами величаясь,
 Они мечтають навсегда
 Избѣгнуть кары и суда....
 Я имъ скажу — готовятъ сами
 Свой приговоръ себѣ они;
 Что упоенные льстецами
 И мысля въ мірѣ жить одни,
 Себѣ статуи воздвигаютъ
 Какъ божества на площадяхъ....
 Но вѣкъ ихъ минеть: разломають,
 Съ проклятіемъ растопчутъ въ прахъ
 Отцовъ статуи ихъ же дѣти!
 Дѣтей проклятіи рядъ столѣтій
 Не сниметь съ головы отцовъ....

СЕНЕКА.

Лукасъ! оставь, оставь слѣпцовъ!

люцій.

Пришла жъ охота на циклоповъ,
 На двуутробокъ и сорокъ
 Взглянуть предъ смертью! взять урокъ
 У нихъ дилеммъ, фигуръ и троповъ!

ЛУКАНЪ.

Но какъ безъ боя все отдать!...
 Хотя бѣ къ народу мнѣ воззвать!
 Пѣвецъ у Рима умираетъ!
 Сенска гибнетъ! и народъ
 Молчитъ!... Но, ибѣтъ, народъ не знаетъ!
 Народу миль и дорогъ тотъ,
 Кто спать въ немъ мысли не даетъ!

люцій.

Да, миль какъ бабочка ночная,
 Покуда крыльевъ не ожжетъ,
 Черезъ огонь перелетая....
 Народъ твой первый же потомъ
 И назоветъ тебя глупцомъ.

ЛУКАНЪ (*закрывъ лицо руками*).

Но Цезарь!... мы вѣдь съ нимъ когда-то
 Росли, играли, какъ два брата!
 Онъ вспомнить время дѣтскихъ игръ,
 И приговоръ свой остановить....
 Въ немъ сердце есть.... вѣдь онъ не тигръ....
 Римъ часто по пусту злословить....
 Что я ему? Мои мечты
 Да пѣсни — всѣ мои заботы!...

ЛЮЦІЙ.

Мой бѣдный мальчикъ, съ жизнью счеты
 Еще не кончилъ видно ты!

(Одинокъ изъ учениковъ Селеки входитъ въ комнату. Съ нимъ рабъ. Онъ говоритъ шопотомъ.)

УЧЕНИКЪ.

Друзья, — чуръ тише — я съ надеждой!

ЛУКАНЪ.

Прощенье?...

УЧЕНИКЪ.

Въ домѣ выходъ есть;
 Со мной двѣ женскія одежды.
 Пробраться къ Тибру, въ лодку съѣсть,
 И въ Остію! бѣги съ Луканомъ,
 А я останусь здѣсь съ работою.
 Луканъ съ нимъ сходенъ видомъ, станомъ,
 Я сѣдъ, гляжу ужь старикомъ....
 Бѣгите! время есть до срока,
 И вы ужь будете далеко,
 Какъ насъ найдутъ здѣсь поутру.

ЛУКАНЪ.

Я говорилъ, что не умру!

СЕНЕКА.

Бѣги, Луканъ! Мнѣ съ сѣднкою
 Нейдетъ ужь бѣгать отъ враговъ.

ЛЮЦІЙ.

А жаль! я бѣ посмотрѣлъ, каковъ
 Ты въ юбкѣ!...

УЧЕНИКЪ.

Гибель предъ тобою!
 Смерть въ каждомъ домѣ! Цѣлый Римъ —
 Какъ циркъ. Людей травятъ звѣрями.
 Поступь убить рабомъ своимъ;
 Пизонъ вскрылъ жилы. Подъ досками
 Раздавленъ Кай. Чего жъ вамъ ждать?

СЕНЕКА.

Мой другъ, не дважды умирать!
 Разъ — этотъ праздникъ!

УЧЕНИКЪ.

Но съ тобою
 Погибнетъ все! ты много намъ
 Не досказалъ!

СЕНЕКА.

Найдешь и самъ
 Все, что осталось за мною —
 Лишь мысли, истину любя.

ЛУКАНЪ.

Учитель! я молю тебя!

УЧЕНИКЪ.

Вѣдь ты послѣдняя лампада
Во мракѣ жи!

СЕНЕКА.

Оставь меня.

Ни просьбъ, ни лести мнѣ не надо.
Вѣрь, каждый шагъ свой — знаю я!

УЧЕНИКЪ.

Я это зналъ.... я зналъ тебя!
О, горе! что же будетъ съ нами!...
Жить въ мракѣ, плача и скорбя,
Что свѣтъ мелькнулъ передъ глазами —
И скрылся!... Ты душой высокъ!
Ты недоступенъ намъ, Сенека!
Ах! правда! въ сердцѣ человека
Есть нѣчто высшее, есть Богъ!...

Сейчас я видѣть — и смущеньемъ
 Тяжелымъ весь изволнованъ былъ....
 Я черезъ форумъ проходитьъ.
 Съ какимъ-то дикимъ изумленьемъ
 Народъ носилки окружилъ.
 Въ носилкахъ трупъ Эпихариды....
 (Подъ видомъ праздниковъ Киприды
 Пизонъ друзей собиралъ къ ней въ домъ.)
 Вчера она, подъ колесомъ,
 Въ жестокихъ мукахъ, не винилась,
 И никого не предала!...
 Трещали кости, кровь текла....
 Въ носилкахъ петлю пзловчилась
 Связать платкомъ — и удавилась!
 Воскликнулъ самъ Центуріонъ:
 «Въ рабынь вселился духъ Катоновъ!»
 А Римъ? Сенатъ? весь обращенъ
 Или въ палачей, или въ шпионовъ!

ЛУКАЦЪ.

Эпихарида!

УЧЕНИКЪ.

Да, она —
 Душа безумныхъ Сатурналий!

ЛУКАНЪ.

И ты хотѣлъ, чтобъ мы бѣжали!

ЛЮЦІЙ.

Бываютъ точно времена
 Совсѣмъ особеннаго свойства.
 Себя нетрудно умертвить,
 Но жизнь появивъ, остаться жить —
 Клянусь, не малое геройство!

ЛУКАНЪ.

И смерть въ рукахъ ея была
 Для цѣлой половины Рима —
 И никого не предала!
 А жить бы въ золотѣ могла,
 На площадяхъ боготворима
 Въ мѣди бъ и въ мраморѣ была,
 Какъ мать отечества!... О, боги!
 Сенека! и взглянуть стыжусь
 На образъ твой, какъ совѣсть строгій!
 Да развѣ могъ я жить, какъ трусь?
 Нѣтъ, нѣтъ! Клянусь, меня не стануть

Геройствомъ женщинъ попрекать!
 Последнихъ Римлянъ въ насъ помянуть!
 Ну, Римъ! тебѣ волчица — мать
 Была! Я вѣрю.... въ сказкѣ древней
 Есть правда.... Ликторъ! я готовъ....
 Я здѣсь чужой въ гнилой харчевнѣ
 Убийць наемныхъ и воровъ....
 Смерть тяжела лишь для рабовъ!
 Намъ — въ ней триумфъ.

*(Обнимаетъ Сенеку и друзей, и говоритъ,
 поднявъ глаза къ небу).*

О, боги! боги!

Вы обнажили предо мной
 Видѣнья древности сѣдой
 И Олимпійскіе чертоги —
 Затѣмъ, чтобъ стихъ могучій мой
 Ихъ смертнымъ былъ провозвѣщатель!...
 Теперь стою я, какъ ваятель
 Въ своей великой мастерской.
 Передо мной — какъ исполины
 Недовершенныя мечты!
 Какъ мраморъ, ждуть онѣ единой
 Для жизни творческой черты!
 Простите жъ, пышныя мечтанья!
 Осуществить я васъ не могъ!...

О, умираю я, какъ богъ
Средь начатаго мірозданья!

*(Лукавъ, обнявъ Сенеку и Люція, уходитъ,
сопровождаемый ликторами.)*

СЕНЕКА *(хочетъ за нимъ слѣдовать,
но останавливается на дви-
женіе бросившихся къ нему
учениковъ, и проведя рукою
по челу, говоритъ тихо и
торжественно).*

Одну имѣлъ я въ жизни цѣль,
И къ ней я шелъ тропой тяжелой.
Вся жизнь моя была досель
Нравоучительною школой;
И смерть есть новый въ ней урокъ,
Есть буква новая, средь вѣчной
И дивной азбуки, залогъ
Науки высшей, безконечной!
Творецъ мнѣ разумъ строгій далъ,
Чтобъ я вселенную извѣдалъ,
И что въ себѣ и въ ней позналъ, —
Въ науку бъ позднимъ внукамъ предалъ;

Послалъ онъ въ встрѣчу злобу мнѣ,
 Развратъ чудовищный и гнусной,
 Чтобъ я, какъ дубъ на вышинѣ,
 Средь бурь, окрѣпъ въ борьбѣ искусной,
 Чтобъ въ массѣ подвиговъ и дѣлъ
 Я образъ свой напечатлѣлъ....
 Я все свершилъ. Мой образъ вылить.
 Еще рѣзца послѣдній взмахъ —
 И гордо встанетъ онъ въ вѣкахъ.
 Рѣзецъ не дрогнетъ. Не осилитъ
 Мнѣ руку страхъ. Здѣсь путь свершенъ, —
 Но духъ мой, жизнью земною
 Усовершенъ и умудренъ,
 Вступаетъ въ вѣчность.... Предо мною
 Открыта дверь — и вижу я
 Зарю иного бытія....

(Друзья съ воплями обнимаютъ колѣна философа. Смотри на нихъ, онъ продолжаетъ).

Жизнь хороша, когда мы въ мірѣ
 Необходимое звѣно,
 Со всѣмъ живущимъ заодно; —
 Когда не лишній я на пирѣ;
 Когда, идя съ народомъ въ храмъ,
 Я съ нимъ молюсь однимъ богамъ....
 Когда жъ толпа, съ тобою розно,

Себѣ воздвигнувъ божество,
 Слѣдить съ какой-то злобой грозной
 Движенья сердца твоего;
 Когда указываетъ пальцемъ,
 Тебя завидя далеко, —
 О, жить отверженнымъ скитальцемъ,
 Друзья, повѣрьте, нелегко!
 Остатки лучшихъ поколѣній,
 Съ ихъ древней доблестью въ груди,
 Проходимъ мертвые, какъ тѣни,
 Мы какъ шуты на площади!
 И незамѣтно вѣтеръ крѣпкій
 Потопить насъ среди зыбей,
 Какъ обезсмысленныя щепки
 Побѣдоносныхъ кораблей....

Нашъ вѣкъ прошелъ. Пора намъ, братья!
 Иные люди въ міръ пришли;
 Иныя чувства и понятія
 Они съ собою принесли....
 Быть можетъ, вѣруя упорно
 Въ преданія юности своей,
 Мы леденимъ, какъ вихрь тлетворной,
 Жизнь обновленную людей.
 Быть можетъ.... истина не съ нами!

Нашъ умъ ея уже нейметъ,
 И ослабѣвшими очами
 Глядитъ назадъ, а не впередъ,
 И свѣта истины не видитъ,
 И вопіеть: «спасенья нѣтъ!»
 И, можетъ быть, иной придетъ,
 И скажетъ людямъ: «вотъ гдѣ свѣтъ!»
 Нѣтъ! намъ пора!... Открой мнѣ жилы!...
 О, величайшее изъ благъ —
 Смерть! ты теперь въ моихъ рукахъ!...
 Сократъ! учитель мой! другъ милый!
 Къ тебѣ иду!...

(Уходитъ, сопровождаемый учениками.)

люцій.

Ты кончилъ хорошо, Сенека!
 И славно выдержалъ!... Ну, вотъ —
 Героемъ меньше!... Злость беретъ,
 Какъ поглядишь на человѣка!
 Что жъ изъ того, что умеръ ты?
 Что духомъ до конца не падалъ?
 Для болтовни, для клеветы.
 Ты Риму разговоръ задалъ
 Дня на два! Вотъ и подвигъ твой!

(Смотритъ въ окно на небо и дальнія горы.)

Какъ тамъ покойно! Горы ясны....
 Вотъ такъ и боги безучастно
 Съ небесъ глядятъ на родъ людской!...
 Да что и видѣть?...

(Оллдывается въ комнату.)

Здѣсь ужасно
 И жить, не только умирать!
 А жить осталось не много....
 Что жъ пользы Немезидѣ строгой
 Чась лишній даромъ отдавать?
 Для дѣлъ великихъ отдыхъ нуженъ,
 Веселый духъ и — добрый ужинъ....
 По смерти слава — намъ не въ прокъ!
 И что за счастье, что когда-то
 Укажетъ риторъ бородатой
 Въ тебѣ для школьниковъ урокъ!...
 До тайнъ грядущихъ — нѣтъ мнѣ дѣла!
 И — здѣсь ли кончу я свой вѣкъ,
 Иль будетъ жить душа безъ тѣла —
 Все буду я — не человѣкъ!...
 Ну, а теперъ, пока я въ силѣ,
 Съ почетомъ отпустить могу
 Я тѣло — стараго слугу....
 Эй, рабъ! въ моей приморской виллѣ

Миѣ лучшей ужинъ снаряди,
 Въ амфитеатрѣ, подъ горами.
 Миѣ ложе убери цвѣтами;
 Балетъ вакханокъ приведи,
 Хоръ фавновъ.... лиры и тимпаны....
 Да хоръ не такъ, какъ въ прошлый разъ:
 Пискунъ какой-то — первый басъ!...
 Въ саду открой вездѣ фонтаны;
 Вотъ ключъ — тамъ, въ дальней кладовой
 Есть кубки съ греческой рѣзбой —
 Достань. Да разошли проворно
 Рабовъ созвать друзей.... Пускай,
 Кто живъ, тотъ и прійдетъ. Ступай
 Къ Марцеллу самъ. Проси покорно,
 Хранится у него давно
 Гораціанское вино.
 Скажи, что господинъ твой молить
 Не отказать ему ни въ чемъ,
 Что нынче — умирать изволить!
 Ну, все.... ты вѣрнымъ былъ рабомъ,
 И не забыть въ моей духовной.
(Рабъ упадаетъ къ его ногамъ.)
 Да не торгуйся, не скупись —
 Чтобъ ужинъ вышелъ баснословной!...
 Да! главное забыль.... Стучись

Безъ милосердыя въ двери Лиды.
 Снеси цвѣтовъ корзины ей,
 И пусть, какъ къ празднику Киприды,
 На ужинъ явится скорѣй.

(Рабъ уходитъ.)

И на колѣняхъ дѣвы милой,
 Я, съ напряженной жизни силой,
 Въ послѣдній разъ упьюсь душой
 Дыханьемъ травъ, и моремъ спящимъ,
 И солнцемъ, въ волны заходящимъ,
 И Лиды ясной красотой!...
 Когда жъ пресыщусь до избытка,
 Она смертельнаго напитка,
 Умильно улыбаясь, мнѣ,
 Сама не зная, дастъ въ винъ,
 И я умру шутя, чуть слышно,
 Какъ истый мудрый сибарить,
 Который, трапезою пышной
 Насытивъ тонкій аппетитъ,
 Средь ароматовъ мирно спитъ.

САВОНАРОНКА.

Въ столицѣ Медичи счастливой
Справлялся странный карнавалъ.
Всѣ въ бѣломъ, съ вѣтвію оливы,
Шли дѣвы, юноши; бѣжалъ
Народъ за ними; изъ собора,
Подъ звукъ торжественнаго хора,
Распятье иноки несли
И стройно со свѣчами шли.
Усыпанъ путь ихъ былъ цвѣтами,
Ковры висѣли изъ оконъ,
И воздухъ былъ колоколами
До горъ далекихъ потрясенъ.

Они на площадь направлялись.
 Туда жъ, по улицамъ другимъ,
 Пестрѣя, маски собирались
 Съ обычнымъ говоромъ своимъ:
 Паяцъ и, съ лавкой разныхъ склянокъ,
 На колесницѣ шарлатанъ,
 И грандъ, и дьяволъ, и султанъ,
 И Вакхъ со свитою вакханокъ.
 Но, будто волны въ берегахъ,
 Вдругъ останавливались маски,
 И прекращались смѣхъ и пляски:
 На площади, на трехъ кострахъ,
 Монахи складывали въ груды
 Все то, что тѣшитъ рѣзвый свѣтъ
 Приманкой нѣги и суетъ.
 Тутъ были жемчугъ, изумруды,
 Великолѣпные сосуды,
 И кучи бархатовъ, парчей,
 И картъ игральныхъ, и костей,
 И сладострастныхъ картины,
 И бюсты фавновъ и сиренъ,
 Литавры, арфы, мандолины,
 И ноты страстныхъ кантиленъ,
 И кучи масокъ и корсетовъ,
 Румяна, мыло и духи,

И эротическихъ поэтовъ
 Соблазна полные стихи....
 Надъ этой грудю стояло,
 Верхомъ на маленькомъ конькѣ,
 Изображенье карнавала —
 Паяцъ въ дурацкомъ колпакѣ.

Сюда процессія вступила.
 На помость всталъ монахъ сѣдой,
 И чудно солнцемъ озарило
 Его фигуру надъ толпой.
 Онъ крестъ держалъ, главу склоняя
 И указуя въ небеса....
 Въ глубокихъ впадинахъ сверкая,
 Его свѣтились глаза.
 Народъ внималъ ему угрюмо
 И рвалъ бѣсовскіе костюмы,
 И маски сбросивши тайкомъ,
 Рыдали женщины кругомъ.
 Монахъ училъ, какъ древле жили
 Общины первыхъ Христіанъ,
 «А вы», сказалъ: «вы воскресили
 Разбитый ими истуканъ!
 Забыли въ шумѣ сатурналій
 Молчанье строгое постовъ!

Святую библию отцовъ
 На мудрость вѣка промѣняли;
 Пустынной маниѣ предпочли
 Пирь египетской земли!
 До знавїй жадны, вѣрой скупы,
 Понять вы тщитесь бытіе,
 Анатомируете трупы —
 А сердце знаете ль свое?...
 О, Матерь Божїя! Тебя ли,
 Мое прибѣжище въ печали,
 Въ чертахъ блудницы вижу я!
 Съ блудницъ художникъ маловѣрный
 Чертитъ, исполненъ всякой скверны,
 И выдаетъ намъ за тебя!...
 Развратъ повсюду лицемѣрный!
 Васъ тѣшитъ пестрый маскарадъ —
 Бѣсъ ходитъ возлѣ каждой маски
 И въ сердце вамъ вливаетъ ядъ.
 Въ винѣ, въ наукѣ, въ женской ласкѣ
 Вамъ сѣти ставитъ хитрый адъ,
 И, какъ безмысленныя дѣти,
 Вы слѣпо падаете въ сѣти!...
 Пора! зову я васъ на брань.
 Изъ-за трапезы каждый встань,
 Гдѣ бѣсъ пируетъ! Бросьте яству!

Спѣшите! Пастырю во длань
 Веду вернувшуюся паству!
 Здѣсь искупленіе грѣхамъ.
 Проклятье играмъ и костямъ!
 Проклятье льстивымъ чарамъ ада!
 Проклятье мудрости людской,
 Въ которой овцы Божья стада
 Теряютъ вѣру и покой!
 Господь! услышь мои моленья:
 Въ сей день великій искупленья
 Свои намъ молніи пошли
 И разрази тельца златаго!
 Во имя чистое Христово
 Весь домъ грѣха испепели!»

Умолкъ — и факеломъ зажженнымъ
 Взмачнулъ надъ праздничнымъ костромъ;
 Раздался пушекъ страшный громъ;
 Сливаясь съ колокольнымъ звономъ,
 Те Deus грянулъ мрачный хоръ —
 Столбомъ всталъ огненный костеръ.
 Толпы народа оробѣли;
 Молились, набожно глядѣли,
 Святаго ужаса полны,
 Какъ грозно пирамидой жаркой

Трещали, вспыхивали ярко
 Изобрѣтенья сатаны,
 И какъ фигура карнавала, —
 Его колпакъ и дѣтскій конь —
 Качалась, тлѣла, обгорала
 И съ шумомъ рухнула въ огонь.

—

Прошли года. Монахъ крутой,
 Какъ геній смерти, воцарился
 Въ столицѣ шумной и живой —
 И городъ весь преобразился.
 Облекся трауромъ народъ,
 Вездѣ вериги, власяница,
 Постомъ измученныя лица,
 Молебны, звонъ да крестный ходъ.
 Монахъ, какъ будто львиной лапой,
 Толпу угрюмую сжималъ
 И дерзко ссорился онъ съ Папой,
 Въ безвѣрьи Папу уличалъ.
 Но съ Папой спорить было рано:
 Неравенъ былъ строптивый споръ
 И главъ вѣнчанныхъ Ватикана
 Еще могучъ былъ приговоръ....
 И вотъ опять костеръ багровой

На той же площади пылалъ:
 Палачъ у висѣлицы новой
 Спокойно жертвы новой ждалъ,
 И грозный папскій трибуналъ
 Стоялъ на помостѣ высокомъ.
 На казнь монаховъ привели.
 Они, въ молчаніи глубокомъ,
 На смерть какъ мученики шли.
 Одинъ изъ нихъ былъ тотъ же самый,
 Къ кому народъ стекался въ храмы,
 Кто отворялъ свои уста
 Лишь съ чистымъ именемъ Христа;
 Христомъ былъ духъ его напитаенъ
 И за Него на казнь онъ шелъ;
 Христа же именемъ прочитаенъ
 Монаху смертный протоколъ,
 И то же имя повторяла
 Толпа, смотря со всѣхъ сторонъ,
 Какъ рухнулъ съ висѣлицы онъ,
 И пламя въ мигъ его объяло,
 И, задыхаясь, произнесъ
 Онъ въ самомъ пламени: «Христось!»

Христось, Христось! но умирая,
 И по слѣдамъ твоимъ ступая,

Твой подвигъ сердцемъ возлюбя,
 Христось! онъ понялъ ли Тебя?
 О, нѣтъ! скорбящихъ утѣшая,
 Ты чистыхъ радостей не гналь,
 И, Магдалину возрождая,
 Дѣтей на жизнь благословляль!
 И человекъ, въ Твоемъ ученьѣ
 Познавъ себя, въ Твоихъ словахъ
 Съ любовью видитъ откровенье,
 Чѣмъ можетъ быть онъ святъ и благъ....
 Своею кровью жизни слово
 Ты освятилъ, — и возрасло
 Оно могуче и свѣтло;
 Доминиканца жъ кликъ суровый
 Былъ чуждъ любви — и самъ онъ палъ
 Безплодной жертвою

1851.

КЛЕРМОНТСКІЙ СОВОРЪ.

Не свадьбу праздновать, не пиръ
Не на воинственный турниръ
Блеснуть оружьемъ и конями,
Въ Клермонть нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Какъ лугъ, усѣянный цвѣтами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массою людей
Какъ перекатными волнами.
Лучъ солнца ярко озарялъ
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпуръ, и металлъ.
Подъ златотканнымъ балдахиномъ,

Средь духовенства властелиномъ
 Въ тиарѣ Папа възсѣдалъ.
 У трона — герцоги, бароны,
 И красныхъ кардиналовъ рядъ;
 Вокругъ ихъ — сырыхъ обороны —
 Толпою рыцари стоятъ:
 Въ узорныхъ латахъ Итальянцы,
 Тяжелый Швабъ и рыжій Бриттъ,
 И Галлъ, отважный сабаритъ,
 И въ шлемахъ съ перьями Испанцы;
 И отдаленъ отъ всѣхъ старикъ,
 Дерзавшій свергнуть папства узы:
 То обращенный еретикъ
 Изъ фанатической Тулузы;
 Здѣсь строй Норманновъ удалыхъ,
 Какъ въ маскахъ, въ шлемахъ нудовыхъ,
 Съ своей тяжелой алебардой.
 На крыши взгромоздятся, народъ
 Всѣхъ поименно ихъ зоветъ:
 Все это львы, да леопарды,
 Орлы, медвѣди, ястреба —
 Какъ будто грозныя прозванья
 Сама сковала имъ судьба,
 Чтобъ обезсмертить ихъ дѣянья!
 Надъ ними, стаяй лебедей,

Слетѣвшихъ на берегъ зеленый,
 Изъ ложъ кругомъ сіяютъ жены
 Въ шелку, въ зубчатыхъ кружевахъ,
 Въ алмазахъ, въ млечныхъ жемчугахъ.
 Лишь шопотъ слышится въ собраньи.
 Необычайная молва
 Давно чудесныя слова
 И непонятныя сказанья
 Носила въ мѣрѣ. Видѣнъ крестъ
 Былъ въ небѣ. Несся стонъ съ востока.
 Заря кроваваго потока
 Имѣла видъ. Межъ блѣдныхъ звѣздъ
 Какъ человѣческое было
 Лицо луны, и слезы лило,
 И вокругъ клубился дымъ и мгла....
 Чего-то страшнаго ждала
 Толпа, внимать готовясь Богу —
 И били грозную тревогу
 Со всѣхъ церковей колокола.

Вдругъ звонъ затихъ — и на ступени
 Престола Папы преклонилъ
 Убогій пилигримъ колѣни;
 Его съ любовью осѣнилъ
 Святымъ крестомъ первосвященникъ,

И, помоляся небесамъ,
 Пустынникъ говорилъ къ толпамъ:

« Смиранный нищій, бѣглый плѣнникъ
 Предъ вами, сильныя земли!
 Темна моя, ничтожна доля;
 Но движеть мной иная воля.
 Не мнѣ внимайте, короли:
 Самъ Богъ, державствующій нами,
 Къ моей склонился нищетѣ
 И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами,
 И вамъ въ сердечной простотѣ
 Сказать про плѣнъ, про тѣ мученья,
 Что испыталъ и видѣлъ я.
 Вся плоть истерзана моя,
 Спина хранить слѣды ремня,
 И язвамъ нѣту исцѣленья!
 Взгляните: на рукахъ моихъ
 Оковъ кровавыя запястья.
 Въ темницахъ душныхъ и сырыхъ,
 Безъ утѣшенья, безъ участя,
 Провелъ я юности лѣта;
 Копалъ я рвы, бряцаю цѣпью,
 Влачилъ я камни знойной степью,
 За то, что вѣровалъ въ Христа!

Вотъ эти руки.... Но въ молчаньѣ
 Вы потушаете глаза;
 На грозныхъ лицахъ состраданья,
 Я вижу, катится слеза....
 О, люди, люди! язвы эти
 Смутили васъ на краткій часъ!
 О, впечатлительныя дѣти!
 Какъ слезы дешевы у васъ!
 Уже-ль, чтобъ тронуть васъ, страдальцамъ
 Къ вамъ надо нищими предстать?
 Чтобъ васъ увѣрить, надо дать
 Ощупать язвы вашимъ пальцамъ!
 Тогда лишь бѣдствіямъ земнымъ,
 Тогда неслышаннымъ страданьямъ,
 Безчеловѣчнымъ истязаньямъ
 Вы сердцемъ внемлете своимъ!...
 А тѣхъ страдальцевъ милліоны,
 Которыхъ вамъ не слышны стоны,
 Къ которымъ мусульманинъ злой
 Какъ къ агнцамъ трепетнымъ приходитъ,
 И безпрепятственно уводитъ
 Изъ нихъ рабовъ себѣ толпой;
 Въ глазахъ у брата душитъ брата,
 И неродившихся дѣтей
 Во чревѣ рѣжетъ матерей,

И вырываетъ для разврата
 Изъ ихъ объятій дочерей....
 Я видѣлъ: блѣдныхъ, безоружныхъ,
 Толпами гнали по степямъ,
 Отсталыхъ старцевъ, женъ недужныхъ
 Бичомъ стегали по ногамъ,
 И Турокъ рыскалъ по пустынѣ,
 Какъ передъ стадомъ гуртовщикъ.
 Но мигъ — мнѣ памятный донинѣ,
 Благословенный жизни мигъ,
 Когда окованнымъ, средь дыма
 Прозрачныхъ утреннихъ паровъ,
 Предстали намъ Ерусалима
 Святые храмы безъ крестовъ!
 Замолкли стоны и тревога,
 И, позабывши прахъ и тлѣнъ,
 Возславословили мы Бога
 Въ виду Сіонскихъ древнихъ стѣпъ,
 Гдѣ ждали насъ позоръ и плѣгъ!
 Порождены тоской, чужбиной,
 Латинецъ съ Грекомъ обнялись.
 Всѣ, какъ сыны семьи единой,
 Страдать безропотно клялись.
 И Грекъ намъ далъ примѣръ великій.
 Ереи, пѣвшаго псаломъ,

Съ коня спрыгнувши, Турокъ дикій
 Ударилъ взвизгнущимъ бичомъ:
 Тотъ пѣлъ, и бровію не двинулъ!
 Злодѣй страдальца опрокинулъ,
 И вырвалъ бороду его....
 Рванули съ воплемъ мы цѣпами, —
 А онъ Евангеля словами
 Господне славилъ торжество!
 Въ куски изрубленное тѣло
 Злодѣи побросали въ насъ:
 Мы сохранили ихъ всецѣло,
 И, о душѣ его молясь,
 Въ темницѣ, гдѣ страдали сами,
 Могилу вырыли руками,
 И на груди святой земли
 Его останки погребли.

«И онъ не встанетъ вѣдь предъ вами
 Вамъ язвы обнажить свои
 И выпросить у васъ слезами
 Слезу участія и любви!
 Увы, не разверзаютъ гробы
 Святыя жертвы адской злобы!
 Пѣтъ, и живое не прійдетъ
 Къ вамъ обновѣрцевъ вашихъ племя —

Христу молящійся народъ:
 Одинъ креста несетъ онъ бремя,
 Одинъ онъ тернъ Христовъ несетъ!
 Какъ рабъ евангельскій, израненъ,
 Въ степи лежитъ, больной, безъ силъ....
 Иль ждете вы, чтобъ наполни
 Его чужой Самаритянинъ,
 А вы, съ кошницей яствъ, бойцы,
 Пройдете мимо, какъ слѣпцы?
 О, нѣтъ, для васъ еще священны
 Любовь и правда на землѣ!
 Я вижу ужасъ вдохновенный
 На вашемъ доблестномъ челѣ!
 Возстань, о воинство Христово,
 На мусульманъ войной суровой!
 Да съ громомъ рушится во прахъ —
 Созданье злобы и коварства —
 Ихъ тяготѣющее царство
 На христіанскихъ раменахъ!
 Разбейте съ чадъ Христа оковы,
 Дохнуть имъ дайте жизнью новой;
 Они васъ ждуть, чтобъ васъ обнять,
 Край вашихъ ризъ облобызать!
 Идите! ангелами мщенья,
 Изъ храма огненнымъ мечомъ

Изгнавъ невѣрныхъ поколѣнья,
 Отдайте Богу Божій домъ!
 Тамъ благодарственные псалмы
 Для васъ народы воспоютъ,
 А падшимъ — мучениковъ пальмы
 Вънцями ангелы сплетутъ!...»

Умолкъ. Въ отвѣтъ какъ-будто грома
 Перекатилися въ горахъ.
 То кликъ одинъ во всѣхъ устахъ:
 «Идемъ, оставимъ женъ и дома!»
 И въ умилевіи святомъ
 Вокругъ желѣзные бароны
 Въ восторгѣ плакали какъ жоны;
 Врагъ лобызался со врагомъ,
 И руку жалъ герой герою,
 Какъ левъ косматый, алча бою;
 На общій подвигъ дамы съ рукъ
 Снимали злато и жемчугъ;
 Свой грошъ и нищіе бросали;
 И радость всѣхъ была свѣтла.
 Ее литавры возвѣщали,
 И въ небесахъ распространяли
 Со всѣхъ церквей колокола.

1853.

ДУРОЧКА ДУНЯ.

ИДИЛЛИЯ.

Всѣмъ довольна я, старушка —
Бога нѣчего гнѣвить!
Миръ въ семьѣ; есть деревушка —
Хоть мала, да можно жить.

У меня семья большая.
Дѣтки вокругъ насъ, стариковъ,
Словно роща молодая
Вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ.

Но, какъ въ ясномъ небѣ тучка —
Къ намъ одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была,

Вовсе здраваго понятя
 Не имѣла; что ни дай
 Ей, хоть шелковое платье —
 Въ мигъ все въ пятнахъ, хоть бросай!

Да и съ виду: мы всѣ русы —
 А она смугла, черна;
 Да вплететь какъ въ кудри бусы,
 Алый шарфъ возьметъ она,

Запоесть какъ басурманка,
 Такъ глазами и блестить,
 И хохочетъ... ну, цыганка
 Да и только — просто стыдъ!

Благородныя дѣвицы
 Къ намъ прѣдуть. «Да поди!»
 Говорю: «тамъ всѣ сестрицы;
 Только такъ хоть посиди.»

— «Нѣтъ ужь, бабушка, мнѣ съ ними
 Дѣлать нечего!» — «Какъ такъ?»
 — «Что мнѣ съ такими злыми!»....
 И забьется на чердакъ.

Свадьба ль въ домѣ — все-равно ей;
 Посѣтитъ ли смерть кого,
 Съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
 Ляжетъ спать — и ничего!

Мать учить начнетъ, бывало,
 Говорить, подъ-часъ и бьетъ —
 Какъ къ стѣнѣ горохъ! ни мало,
 То есть, ухомъ не ведеть.

Ну, ее за то и гнали;
 Вѣчно съ нею воркотня;
 На хлѣбъ, на воду сажали
 Баловала только я.

И она какъ-будто чуетъ,
 И ко мнѣ одной идетъ:
 Обойму ее, цѣлуетъ,
 Руки крѣпко, крѣпко жметъ.

Надорветъ мое сердечко....
 «Охъ, ты, бѣдная моя,
 Нелюбимая овечка,
 Сиротинка у меня!»

«Какъ у васъ хватаетъ духу
Гнать бѣдняжку?» говорю;
Да не слушаютъ старуху,
Сколько я ихъ ни журю.

Ей одно лишь любо было —
Няньчить маленькихъ дѣтей,
Все имъ сказки говорила
Про русалокъ да князей.

Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожить сама-то вся;
Дѣти такъ и разревутся,
И унять потомъ нельзя.

Въ снѣгъ — на улицу, и скачетъ!
А возьмутъ ее домой —
Въ уголь спрячется и плачетъ....
Домъ ей словно какъ чужой.

Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою набереть,
Станетъ въ полѣ, смотреть въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветь.

Мы видали, къ ней станицей
 Птица всякая летить,
 И она вѣдь съ каждой птицей
 Особливо говорить....

Порча ль тутъ была отъ дѣтства,
 Или разумъ ужь такой —
 Всѣ мы пробовали средства,
 Да махнули и рукой.

И жила она немного.
 Видимъ, нѣтъ ужь въ ней пути.
 Что лечить тутъ? Противъ Бога
 Человѣку не идти.

Докторовъ иныхъ бы нужно —
 Повести бы по мощамъ....
 Ну, да лѣтомъ недосужно —
 Жатва, сѣвы — знаешь самъ!

Вотъ, и вышло: лѣтомъ стала
 Пропадать она по днямъ.
 Спросимъ: «гдѣ ты пропадала?»
 Вздоръ рассказываетъ намъ —

Что была она далеко,
 Въ неизвѣстныхъ сторонахъ,
 Гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
 Горы въ самыхъ небесахъ;

Что у моря тамъ зеленый
 Вѣчно лѣсъ растеть; что тамъ
 Зрѣютъ желтые лимоны
 По высокимъ деревьямъ;

Что тамъ городъ есть великій,
 Гдѣ рабы со всякихъ странъ;
 Царь въ томъ городѣ предикій,
 И гонитель христіанъ;

Что онъ травить ихъ тамъ львами,
 Чтобъ отъ вѣры отреклись;
 Что ихъ кровь течетъ ручьями —
 А они все не сдались;

Что тамъ чудные чертоги,
 Разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
 Гдѣ все мраморные боги
 Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;

Вавилонская царица
 Тамъ какая-то жила,
 И языческая жрица
 Сожжена огнемъ была;

Да безумная невѣста....
 Но всего не передать;
 Есть ли гдѣ такое мѣсто,
 Не могу тебѣ сказать....

Только видимъ — дѣвка бредитъ,
 Увѣрлетъ, что сама
 Въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ,
 Только вотъ прійдетъ зима.

Между-тѣмъ прошла ужь осень;
 Дуня что-то все молчать;
 Цѣлый день между двухъ сосенъ,
 По дорогѣ въ лѣсъ, сидить.

Мать журила; запирали;
 Да ничто неймется ей!
 Разъ ушла она; мы ждали —
 Нѣтъ. Ужь поздно: Мы за ней

Разослали по сосѣдямъ —
 Нѣтъ нигдѣ! Дней пять прошло;
 Какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ;
 Снѣгъ въ лѣсу-то размело....

«Взглянь-ко», говорю я: «Саша» —
 А сама-то вся дрожу:
 «Что тамъ? ужь не Дуня ль наша?»
 Такъ и есть, она! Гляжу —

Къ старой сосенкѣ прижалась,
 На ручонки прилегла,
 И, голубушка, казалось,
 Крѣпкимъ сномъ она спала....

Я вотъ такъ тутъ и завыла!
 Точно что оторвалось
 Отъ души-то.... Горько было,
 А могилку рыть пришлось....

Послѣ все ужь мы узнали:
 Къ намъ въ сосѣдство той весной
 Графъ съ графиней пріѣзжали
 Изъ чужихъ краевъ домой.

У графини, видишь, дѣтокъ
 Былъ всего одинъ сынокъ;
 Съ нашей былъ онъ однолѣтокъ —
 Такъ, пятнадцатый годокъ.

Съ нимъ-то наша и сошлася,
 Да, какъ глупое дитя,
 Всякихъ толковъ набралася
 Про заморскіе края.

И когда графиня снова
 Поднялася въ свой вояжъ,
 Никому не молвя слова,
 Дуня вздумала туда жъ!

Гдѣ же ей пройти лѣсами!
 И большому мудрено,
 Да зимой еще, снѣгами....
 Такъ ужъ, видно, суждено!

Не жилось ей, знать, на свѣтѣ....
 Богъ не долго жить даетъ
 Юродивымъ: Божьи дѣти —
 Прямо въ рай онъ ихъ беретъ.

Безъ нея же запустѣнье
Стало вдругъ въ семьѣ моей;
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,

Хоть пути въ ней было мало,
И вся жизнь ея былъ бредъ,
Безъ нея жь замѣтно стало,
Что души-то въ домѣ нѣтъ.

1851.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ.

(Посвящается С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову, А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудышкину, А. И. Халанскому, и всѣмъ понимающимъ дѣло.)

Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подь Москвою.
Бывало ввечеру поудить карасей
Отець пойдетъ на прудъ, а двое насъ, дѣтей,
Сидимъ на берегу подь ёлкою густою,
Добычу изъ ведра руками достаемъ
И шопотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ....
Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустыннымъ
Мы стали странствовать.... Теперь то время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,

Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится....
 Въ столицу приведенъ насильно точно я;
 Какъ будто всѣмъ чужой, сижу на чуждомъ пирѣ
 И, кажется, опять я дома въ Божьемъ мірѣ,
 Когда лишь заберусь на бережокъ ручья,
 Закину удочки, сижу въ травѣ высокой....
 Полдневный пышетъ жаръ — съ зарей я поднялся —
 Откинешься на лугъ и смотришь въ небеса,
 И слушаешь стрекозъ, покуда сонъ глубокой
 Подъ теплый паръ земли глаза мнѣ не сомкнетъ.
 О чудный сонъ! душа, Богъ знаетъ гдѣ, далеко,
 А ты во снѣ живешь, какъ все вокругъ живеть.

Но близкіе мои — увы! все горожане....
 И странствовать въ лѣсу, поднявшись съ зарей,
 Иль въ лодкѣ осенью сидѣть въ сыромъ туманѣ,
 Иль мокнуть на дождѣ, иль печься въ лѣтній зной —
 Имъ дико кажется, и всякой разъ, я знаю,
 Что если съ вечера я леса разверну
 И новые крючки навязывать начну,
 Я тѣмъ до глубины души ихъ огорчаю;
 И лица важныя нерѣдко страсть мою
 Корятъ насмѣшками: грѣшно, молъ, для поэта
 «Позабывать Парнасъ и огорчать семью».
 Я съ горя пробовалъ послушать ихъ совѣта —

Напрасно!... Вотъ вчера, чтобъ только сонъ прогнать,
 Пошелъ на озеро; смотрю — какая гладь!
 Лѣсистыхъ береговъ обрывы и изгибы,
 Какъ зеркаломъ, водой повторены. Вездѣ
 Полоски свѣтлыя отъ плещущейся рыбы,
 Иль ласточекъ, крыломъ коснувшихся къ водѣ.
 Смотрю — усачь-солдатъ сложилъ шинель на травку,
 Самъ до колѣнъ въ водѣ и удить на булавку.
 «Что служба?» крикнулъ я. — «Пришли побаловать
 Маленько», говоритъ. — «Нѣтъ, клѣвъ-то какъ, служивый?»
 — «А клѣвъ-то? да такой тутъ вышелъ стихъ счастливый,
 Что въ часъ-отъ на уху успѣли натаскать.»

Ну, кто бы устоять тутъ могъ отъ искушенья?
 Закину, думаю, я разикъ — и назадъ!
 Есть мѣсто жъ у меня завѣтное: тамъ скать
 Отъ самыхъ камышей и мелкіе каменя.
 Тихонько удочки забравши, въ попыхахъ
 Бѣгу я къ пристани. Во слѣдъ мнѣ крикнулъ кто-то,
 Но быстро оттолкнулъ челнокъ я свой отъ плота
 И, гору обогнувъ, зарылся въ камышахъ.
 Злодѣи-рыбаки ужъ тутъ давно: вонъ съ чолномъ
 Запрятался въ тростникъ, тотъ шарить въ глубинѣ....
 Есть что-то страстное въ вниманьи ихъ безмолвномъ,
 Есть напряженіе въ сей людной тишинѣ:

*

Лишь свиснетъ въ воздухѣ леса волосая,
 Да вздохъ послышится — упорно всё молчать
 И зорко издали другъ за другомъ слѣдятъ.
 Межь тѣмъ живеть вокругъ равнина водяная:
 Стрекозы синія колеблють полавки
 И тошіе кругомъ шныряютъ науки,
 И кружится, сребрясь, сетковъ веселыхъ стая,
 Иль брызнетъ въ стороны, отъ щуки исчеза.

Но вотъ одинъ рыбакъ вскочилъ, и трепеща
 Всё смотрять на него въ какомъ-то страхѣ чуткомъ:
 Онъ, въ обѣ руки взявъ, на удилицѣ гнуткомъ
 Выводить на воду упорнаго леща.
 И чернозолотой красавецъ повернулся,
 И вдругъ взмахнулъ хвостомъ, испуганный, рванулся
 «Отдай, отдай!» кричать, и снова въ глубину
 Идетъ чудовище, и ходить вся въ струну
 Натянута леса.... дрожь вчужѣ пробираетъ!...
 А тутъ мой поплавокъ мгновенно исчезаетъ.
 Ташу — леса въ водѣ описываетъ кругъ,
 Уже зіяетъ пасть зубастая — и вдругъ
 Взвилась моя леса, свистя надъ головою....
 Обгрызла!... Господи!... но, зная норовъ щукъ,
 Другую удочку предъ тою же травю
 Тихонько завожу и жду, едва дыша....

Кляюеть... Напрягся я и, со всего ^а размаха,
 Исполненный надеждъ, волнуясь отъ страха,
 Выкидываю вверхъ — чуть-виднаго ерша...
 О тварь негодная!... Отъ злости чуть не плачу;
 Клянупо себя, людей и миръ за неудачу,
 И какъ на угольяхъ, закинувъ вновь, сажу,
 И только комары, облипшіе мнѣ щеки,
 Обуздываютъ гнѣвъ на промахъ мой жестокий.

Чтобы вздохнуть, кругомъ я взоры обвожу.
 Какъ ярки горы тамъ при солнцѣ заходящемъ!
 Какъ здѣсь, вблизи меня, съ своимъ шатромъ сквозящимъ,
 Краснѣютъ темныхъ соснѣ сторукіе стволы
 И отражаются внизу въ заливѣ черномъ,
 Гдѣ бѣлый паръ уже бѣжитъ къ подножьямъ горнымъ.
 Съ той стороны село. Среди серебристой мглы
 Окошки свѣтятся, какъ огненные точки;
 Купанье тамъ идетъ: чуть слышенъ визгъ живой,
 Чуть-чуть бѣбуются по берегу сорочки,
 Межъ тѣмъ, какъ слышится изъ глубины лѣсной
 Кукушка поздняя да дятель молодой....
 Картины бѣдныя полунощнаго края!
 Гдѣ бъ я ни умираю, васъ вспомню умирая:
 Отъ сердца пылакаго все злое прочь гоия,
 Не вы ль, мира съ людьми, учили жить меня?...

Но вотъ ужъ смерклося. Свѣжѣть. Вкругъ ни звука.
 На небѣ и водахъ погасъ пурпурный блескъ.
 Чу.... тянуть якоря! Раздался вѣсель плескъ....
 Нѣтъ, видно, не возьметъ теперь ни лещъ, ни щука!
 Вотъ, если бы тѣмъ-свѣтъ забратся въ тростники,
 Когда лишь по зарѣ замѣтишь полавки,
 И то почти къ водѣ припавши.... тутъ охота!...
 Что жъ медлить? Завтра же.... Межь тѣмъ всѣ челноки,
 Толкаясь, пристають у низенькаго плота,
 И громкій перекликъ несется на водахъ
 О всѣхъ событьяхъ дня, о порванныхъ лесахъ,
 И брань и похвальба, исполненныя страсти.
 На плечи, разгрузясь, мы взваливаемъ снасти,
 И плещетъ ходкѣй плоть, качаясь подъ ногой.
 Идемъ. Подъ мокрою одеждой ужъ прохладно;
 За-то какъ дышется у лодокъ надъ водой,
 Гдѣ пахнетъ рыбою и свѣжестью отрадной,
 Межь-тѣмъ, какъ изъ лѣсу чуть-слышнымъ вѣтеркомъ,
 Смолой напитаннымъ, потянетъ вдругъ тепломъ!...

О милые мои! Уже ль вамъ непонятно,
 Вамъ странно, отчего въ тотъ вечеръ благодатной
 Съ любовію въ душѣ въ вашъ кругъ вбѣгаю я
 И, весело сядясь за ужинъ деревенской,
 Съ улыбкой слушаю нападки на меня —

Невинную грозу запальчивости женской?
 Бывало, съ милою свиданье улучивъ,
 И ужь обдумавши къ свиданью поводъ новый,
 Такой же приходилъ я къ вамъ.... Но что вы? что вы?
 Что значить этотъ кликъ и смѣха дружный взрывъ?
 Нѣтъ, полно! вижу я, не сговорить мнѣ съ вами!
 Истома сладкая ко сну меня зоветъ.
 Прощайте! добрый сонъ!... уже двѣнадцать бьетъ....

Иду я спать.... И вотъ опять передъ глазами
 Все катится вода огнистыми струями,
 И ходить поплавки. На мигъ лишь задремалъ —
 И кажется, клюетъ!... Тутъ полно, сонъ пропалъ;
 Пылаетъ голова и сердце бьется съ болью.
 Чуть показался свѣтъ, на цыпочкахъ, какъ воръ,
 Я крадусь изъ дому и лѣзу черезъ заборъ,
 Взявъ хлѣба про запасъ съ кристальной крупной солью.
 Но на небѣ сѣро и мелкій дождь идетъ,
 И къ стужѣ въ воздухѣ замѣтенъ поворотъ;
 Чуть видны береговъ ближайшіе извивы;
 Не шелохнется лѣсъ, ни птица не вспорхнетъ,
 Но чувствую уже, что будетъ ловъ счастливый.

И точно. Дождь потомъ зашлепалъ все сильнѣй;
 Вскипѣло озеро отъ бѣлыхъ пузырей,

И я промокъ насквозь, окостенѣли руки ;
 Но окунь — видно, сталъ бодрѣе съ холодкомъ —
 Со дна и поверху гнался за червякомъ,
 И ловко выхватилъ я прямо въ чолнѣ двѣ шуки....
 Тутъ вѣтеръ потянулъ — и золотымъ лучомъ
 Деревню облило. Э, солнце какъ высоко!
 Ужъ дома самоваръ, пожалуй, недалеко....
 Домой! и въ комнату, пронзанный дождемъ,
 Съ пылающимъ лицомъ, съ душой и мыслью ясной,
 Двѣ шуки на шнуркѣ, вхожу я съ торжествомъ —
 И крикомъ всѣ меня встрѣчаютъ: «ахъ, несчастный!...»

Непосвященные! напрасенъ съ ними споръ!
 Искусства нашего непризнанную музу
 И грекъ не приобщилъ къ парнасскому союзу!
 Нѣтъ, муза чистая, витай между озеръ!
 И пусть бѣгутъ твои балованныя сестры
 На шумныхъ поприщахъ гражданственности пестрой
 За лавромъ и хвалою и памятью вѣковъ:
 Ты, ночью звѣздною, на мельничной плотинѣ,
 Въ семь царствѣ свай, колесъ, и плесени, и мховъ,
 Тайнственностью духъ питай въ святой пустыни!
 Заслыша, что къ тебѣ въ тотъ часъ зываю я,
 Заманивай меня по берегу ручья,
 Въ высокой осокѣ протоптанной тропинкой,

Въ дремучій, темный лѣсъ; играй, рѣзвись со мной,
 Облей въ пути лицо росистою рябинкой;
 Учи переходить по жордочкѣ живой
 Ручей, и, усадивъ за ольхой серебристой
 Надъ ямой, гдѣ лопухъ разросся круглолистой,
 Гдѣ рыбѣ въ затиши прохлада есть и тѣнь,
 Показывай мнѣ, какъ родится новый день;
 И въ часъ, когда спадетъ съ природы тьмы завѣса,
 И солнце вспыхнетъ вдругъ на пурпурѣ зари,
 Со всѣми криками и шорохами лѣса
 Сама въ моей душѣ ты съ Богомъ говори!
 Да просвѣтленъ тобой, дыша какъ часть природы,
 Исполнюсь мощью я и счастьемъ той свободы,
 Въ которой праотецъ народовъ, дни катя
 Къ серебристой старости, былъ веселъ какъ дитя!

1855.

ЖРЕЦЪ.

(Отрывокъ.)

Изидинъ жрецъ въ Египтѣ жилъ.
Святымъ въ народѣ онъ прослылъ,
За то, что грѣшную природу
Онъ побѣдилъ въ себѣ, какъ могъ,
Ѣлъ только злаки, пилъ лишь воду,
И весь, какъ мумія, изсохъ.
«Учитесь», онъ вѣщалъ народу:
«Я жилъ средь васъ; я посѣщалъ
Вертепы роскоши порочной,
И яствъ и питій искушалъ
Себя я запахомъ нарочно;
Смотрѣлъ на пляски вашихъ дѣвъ,

Коварный слушалъ ихъ напѣвъ;
 Съ мѣшкомъ, набитымъ туго златомъ,
 Ходилъ по рынкамъ я богатымъ, —
 Но вотъ — ни крови, ни очамъ
 Своей души въ соблазнъ я не далъ,
 Я вашихъ брашенъ не отвѣдалъ,
 И злато бросилъ нищимъ псамъ,
 И чистъ, какъ духъ, иду я нынѣ,
 Чтобъ съ богомъ говорить въ пустынѣ!»

И вышелъ онъ, свои стопы
 Въ пустыни дальнія направа.
 Смотрѣли вслѣдъ ему толпы;
 Герофантъ, его наставя
 На трудный путь, своей рукой
 Благословилъ: «Иди, учися»,
 Сказалъ: «и послѣ къ намъ вернися,
 И тайну жизни намъ открой.»

Минули многіе ужъ годы....
 О немъ пропалъ и самый слухъ;
 Межъ тѣмъ онъ въ таинства природы
 Пытливо погружалъ свой духъ,
 И изнуренный, исхудалый,
 Какъ тѣнь въ пустынѣ онъ бродилъ,

И ероглифами браздилъ
 Людми нетронутыя скалы.

Разъ у ручья онъ между скалъ
 Въ весенній вечеръ възсѣдалъ.
 Пустыня въ сумракѣ синѣла;
 Верхушка пальмы лишь алѣла
 Надъ головой его, одна
 Закатомъ дня озарена....
 И безъ конца и безъ начала
 Какъ будто музыка звучала,
 Несясь невѣдомо куда
 Въ степи, безъ цѣли, безъ слѣда....
 Что приносили эти звуки?
 Пустыни ль жалобныя мукн?
 Иль гулъ отъ дальнихъ городовъ,
 Гдѣ при огняхъ, среди пировъ,
 Въ садахъ, во храмахъ раздаются
 Кипящей жизни голоса,
 И отъ земли на небеса
 Могучимъ откликомъ несутся?...
 И вспомнилъ жрецъ какъ бы сквозь сонъ,
 Какъ былъ къ сатрапу приведенъ
 Обманомъ онъ на искусь страшный.
 Чертогъ въ цвѣтахъ благоухаль;

Лилось вино, дымилась брашны.
 Сатрапъ въ подушкахъ возлежалъ.
 Предъ нимъ лезбіянка плясала,
 Кидая въ воздухъ покрывало;
 Къ сатрапу бросилась потомъ,
 И кубокъ подала съ виномъ.
 Ее обнявъ, отпивъ изъ кубка,
 Поилъ онъ дѣву, и въ уста
 Ее лобзалъ, и какъ голубка,
 Къ нему ласкалась красота.
 Вдругъ онъ жрецу сказалъ, вставая:
 «Она твоя! садись и пей!»
 И ихъ оставилъ.... И какъ змѣй
 Къ своей добычѣ подползая,
 Чаруетъ взглядомъ и мертвить,
 Она впила въ него очами,
 Идетъ къ нему, — и вдругъ руками
 Онъ бѣлоснѣжными обвить!
 Уста съ пылающимъ дыханьемъ
 Къ нему протянуты съ лобзаньемъ,
 И жизнью, трепетомъ, тепломъ
 Охваченъ онъ.... «Уйдемъ, уйдемъ!»
 Она твердитъ: «бѣги со мною!
 Вонъ бѣлый Нилъ! уйдемъ скорѣй,
 Возьмемъ корабль! летимъ стрѣлою

Къ Аѳинамъ, въ мраморный Пирей!
 Тамъ все иное — люди, нравы!
 Тамъ покрывалъ на женахъ нѣтъ!
 Мужамъ поютъ тамъ гимны славы,
 Тамъ воля, игры, жизнь и свѣтъ!...»
 О злыя чары женской рѣчи!...
 Благоухающія плечи
 Предъ нимъ открыты.... рядъ зубовъ
 Бѣлѣлъ какъ нитка жемчуговъ....
 Густыя косы рассыпались
 Изъ-подъ повязки — и, блестя,
 Сережки длинныя качались,
 По ожерелью шелестя....
 И этотъ блескъ, и этотъ лепетъ,
 И страстный пылъ, и сладкій трепетъ
 Въ жрецѣ всю душу взволновалъ;
 Окаменѣлъ онъ въ изумленѣ —
 Но вдругъ очнулся отъ забвенья,
 И съ дикимъ крикомъ убѣжалъ!

Къ чему жъ опять она мелькнула
 Какъ по пустынѣ мотылекъ?
 И обернулась, и вздохнула,
 Пролепетавъ: «а ты бы могъ....»
 Смутился жрецъ, удвоилъ бдѣнье,

Но дѣва все стоитъ предъ нимъ!
 Ужь въ неотступное видѣнье
 Вперивши зорь, онъ, недвижимъ,
 Ей нѣжно шепчетъ какъ подругѣ,
 То страстно молить, то корить,
 То вдругъ очнувшись, въ испугѣ,
 Какъ отъ врага въ стени бѣжитъ....
 Но вѣтъ забвенья! нѣтъ спасенья!
 Въ его больномъ воображеньѣ
 Какъ будто выжженъ ясный ликъ —
 Вездѣ лезбіянка молодая!...
 И кость въ немъ сохнетъ, изнывая,
 Глаза въ крови, горитъ языкъ;
 Косматый рыщетъ онъ въ пустынь,
 Какъ звѣрь израненный реветъ,
 Въ песокъ катаясь, міръ клянеть,
 И въ ярости грозитъ богинѣ....
 А вокругъ — безъ цѣли, безъ слѣда,
 Несясь невѣдомо куда,
 И безъ конца и безъ начала,
 Какъ будто музыка звучала,
 И, сыпя звѣзды безъ числа,
 По небу тихо ночь плыла....

1848, 1858.

ПЪВЕЦЪ.

(Изъ Шамиссо.)

Грозенъ ликомъ, съ смѣлой лирой,
Передъ юностью цвѣтушей,
Пѣлъ старикъ худой и сирой:
«Я — въ пустынь вопіющій!»
Возглашалъ онъ: «все прійдетъ!»
Тише, вѣтренное племя!
Созидающее время
Все съ собою принесеть!

«Полно, дѣти, въ тщетномъ гнѣвѣ
Древо жизни потрясать!
Лишь цвѣты еще на древѣ!
Дайте плодъ имъ завязать!

Недозрѣвъ — онъ полнъ отравы,
 А созрѣеть — самъ спадеть,
 И довольства вамъ и славы
 Въ ваши дома принесеть.»

Юность вокругъ толкуеть важно,
 На пѣвца какъ звѣрь ярься:
 «Что онъ лирою продажной
 Останавливаетъ насъ?
 Подымайте камни, братья!
 Лжепророка заклеимимъ!
 Пусть народныя проклятья
 Всюду слѣдуютъ за нимъ.»

Во дворець съ своею лирой
 Онъ пришелъ, къ царю зовущій;
 Громко пѣлъ, худой и сирой:
 «Я — въ пустынь вопіющій!
 Царь! впередъ иди, впередъ!
 Вѣкъ зоветь! созрѣло сѣмя!
 Созидающее время
 Не прощаетъ и не ждетъ!

«Гонить вѣтеръ, мчитъ теченье!
 Смѣло парусъ расправляй!

Божьей мысли откровенье
 Въ шумѣ бури угадай!
 Просій передъ народомъ
 Этой мысли торжествомъ, —
 И пойдетъ спокойнымъ ходомъ
 Онъ за царственнымъ вождемъ!»

Внялъ владыко.... онѣмѣли
 Царедворцы и, съ тоской,
 Шепчуть: «какъ не досмотрѣли!
 Какъ онъ смѣлъ! Кто онъ такой?
 Что за бредни онъ городить!
 Соблазняетъ лишь людей
 И царя въ сомнѣнье вводитъ....
 На-цѣпь дерзкаго скорѣй!»

И въ тюрьмѣ, съ спокойной лирой,
 Тихъ предъ силою гнетущей,
 Пѣлъ старикъ худой и сирой:
 «Я — въ пустынѣ вопіющій!
 Долгъ свершенъ. Пророкъ молчить.
 Честно снесъ онъ жизни бремя....
 Созидающее время
 Остальное довершить.»

1857.

ПОСЛѢДНІЕ ЯЗЫЧНИКИ.

Когда въ челѣ своихъ дружинъ
Увидѣлъ крестъ животворящій
Изъ царской ставки Константинъ
И палъ предъ Господомъ, молящій, —

Смутились старые вожди,
Столпы языческаго міра....
Они съ отчаяньемъ въ груди,
Встаютъ съ одра, встаютъ отъ пира,

Бѣгутъ къ царю, вопятъ: «О царь!
Ты губишь все, свою державу,
И государство, и алтарь,
И вѣчный Римъ, и предковъ славу!...»

«Предъ кѣмъ ты палъ? вѣдь то рабы!
И ихъ ты слушаешь, владыко!
И утверждаешь царствъ судьбы
На ихъ ты проповѣди дикой!

«Вѣрь прозорливости отцовъ!
Ихъ распинать и жечь ихъ надо!
Не медли, царь, скорѣй оковъ!
Безумна милость и пощада!»

Но не внималъ имъ Константинъ,
Видѣнъ емъ свыше озаренный,
И поднялъ стягъ своихъ дружинъ,
Крестомъ Господнимъ осѣненный.

Въ негодованьи цѣпь съ орломъ
Трибуны съ плечъ своихъ сорвали,
И шумно въ груди предъ царемъ
Свое оружье побросали —

И разошлись....

Побѣдилъ
Къ Христу прибѣгшій Императоръ!

И предъ Распятымъ преклонилъ
Свои знамена триумфаторъ.

И повелѣлъ по городамъ
Съ сыновъ Христа снимать оковы,
И строить сталь за храмомъ храмъ,
И словеса читать Христовы.

Трибуны старые въ домахъ
Сидѣли, злобно ожидая,
Какъ, потрясенная, во прахъ
Падеть имперія родная.

Они собирались въ древній храмъ
Со всѣхъ концовъ на годовщину
Молиться дѣдовскимъ богамъ,
Пророча гибель Константину.

Но время шло. Ихъ кругъ рѣдѣлъ,
И гасли старцы другъ за другомъ....
А надъ вселенной крестъ горѣлъ,
Какъ солнца лучъ надъ вешнимъ лугомъ.

Осталось двое только ихъ.
Храня обѣтъ другъ другу данный,

Они во храмъ боговъ своихъ
Сошлись, розами вѣнчанны.

Заросъ и треснулъ старый храмъ;
Кумиръ поверженный валялся;
Изъ оконъ храма ихъ очамъ
Константинополь открывался:

Синѣль Эвксинъ, блестяль Босфоръ;
Вздымались куполы цвѣтные;
Тамъ — на вселенскій шли соборъ
Ерархи, иноки святыя;

Тамъ — колесницы, корабли....
Подъ твердью неба голубою
Сливался благовѣсть вдали
Съ побѣдной воинской трубою....

Смотрѣли молча старики
На эту роскошь новой славы,
Полны завистливой тоски,
Стыдясь промолвить: «мы неправы.»

Давно ужъ въ мѣрѣ безъ утѣхъ
Свой вѣкъ они влачили оба;

Давно смѣшна была для всѣхъ
Тупая, старческая злоба....

Они глядятъ — и ждуть ихъ взоръ —
Эвксинъ на городъ не прорвется ль?
Изъ-за морей нейдетъ ли моръ?
Кругомъ земля не пошатнется ль?

Глядятъ, не встанетъ ли кумирь....
Но Олимпіецъ, грудью въ прахѣ,
Лежитъ недвижимъ, нѣмъ и сиръ,
Какъ трупъ предъ палачемъ на плахѣ.

Проклятыя самыя мертвы
У нихъ въ устахъ.... лишь льются слезы,
И старцы съ дряхлой головы
Снимаютъ молча плющъ и розы....

Ушли.... Распятіе въ пути
На перекресткѣ ихъ встрѣчаетъ....
Но нѣтъ! не поняли они,
Что Божій Сынъ и ихъ прощаетъ.

1857.

ИЗЪ ДРЕВНАГО ШИРА

АЛКИВИАДЪ.

Внучекъ, вѣрь наукѣ дѣда:
Вѣрь — надъ женщиной побѣда
 Намъ труднѣй, чѣмъ надъ врагомъ.
Здѣсь все случай, все удача!
Сердце женское — задача,
 Нерѣшенная умомъ!

Ты слыхалъ ли имя Фрины?
Покорялися Аѳины
 Взгляду гордой красоты, —
Но на насъ она взирала
Какъ богиня съ пьедестала
 Недоступной высоты.

На пирахъ ея быть званымъ —
 Это честь была избраннымъ.

Принимала какъ сатрапъ!
 Всѣмъ серебряныя блюда
 И хрустальные сосуды,
 И за каждымъ — черный рабъ !

Разъ былъ пиръ.... то пиръ былъ грацій!
 Острыхъ словъ, импровизаций
 И рѣчей лился каскадъ....
 Миѣ везло: привѣтнымъ взглядомъ
 Позвала ужъ сѣсть съ ней рядомъ —
 Вдругъ вошелъ Алкивиадъ.

Видимъ : свѣтлый и румяный!
 Весь въ цвѣтахъ — ну, Бахусъ пьяный!
 Прямо къ ней — и въ губы чмокъ!
 Пиръ весь ахнулъ и смутился,
 А безстыдникъ воцарился
 У ея у самыхъ ногъ !

Я какъ-разъ въ тѣни остался!
 Для приличья улыбался;
 Краснорѣчьемъ думалъ взять, —
 Но едва уста открою —

Онъ насмѣшкой, какъ стрѣлою,
 Поразить меня опять!

Были тутъ послы, софисты,
 И архонты, и артисты....
 Онъ бесѣдой овладѣлъ,
 Хохоталъ надъ мудрецами,
 И безумными глазами
 На прекрасную глядѣлъ.

Что тутъ дѣлать?... Полны злости
 Расходиться стали гости....
 Смотримъ — спитъ онъ! Та — молчить
 И не будить.... Что жъ? добился!
 Ей повѣса полюбился,
 Да и насъ потомъ стыдить!

1853.

АСПАЗІЯ.

Что скажутъ обо мнѣ теперь мои друзья?
Владычица Аѳинъ, Периклова подруга,
Которую Сократъ почтилъ названьемъ друга,
Какъ дѣвочка люблю, томлюсь и плачу я....
Все позабыто — блескъ, правленье, государство,
Дѣла, политики полезное коварство,
И даже самая лѣта.... но, впрочемъ, нѣтъ!
У женщинъ для любви не существуетъ лѣтъ;
Хоть, говорятъ, глупа послѣдней страсти вспышка,
Пускай я — женщина, а онъ еще мальчишка,
Но счастье вѣдь не въ томъ, чтобы самой любить,
И чувствомъ пламеннымъ сгарать и наслаждаться;
Нѣтъ, счастьемъ его дышать и любоваться,
И въ немъ неопытность къ блаженству приучить....

А онъ — онъ чистое подобье полубога!...
 Онъ робокъ, онъ стыдливъ и даже дикъ немного,
 Но сколько гордости въ приподнятыхъ губахъ,
 И какъ краснѣетъ онъ при ласковыхъ словахъ!
 Онъ очень юнъ еще : щека блеститъ атласомъ,
 Но рано слышится въ немъ страсть повелѣвать,
 И позы любить онъ героевъ принимать,
 И дѣтскій голосъ свой все хочетъ сдѣлать басомъ.
 На играхъ побѣдивъ, онъ станетъ какъ Ахиллъ!
 Но побѣжденный, онъ еще миѣ больше милъ :
 Надвинетъ на чело колпакъ онъ свой фригійскій,
 И точно маленькій Юпитеръ Олимпійскій
 Глядитъ съ презрѣнiемъ, хотя въ душѣ гроза,
 И горькою слезой туманятся глаза....
 О, какъ бы тутъ его прижать къ горячей груди,
 И говорить : «не плачь, не плачь, то злые люди....»
 Въ ланиты, яркія румянцемъ вешнихъ розъ,
 И въ очи цѣловать, блестящія отъ слезъ,
 Сквозь этихъ слезъ уста заставить улыбаться,
 И вмѣстѣ плакать съ нимъ, и вмѣстѣ съ нимъ смѣяться!

АНАКРЕОНЪ.

(И. А. Гончарову.)

Въ день сбиранья винограда
Въ дверь отвореннаго сада
 Мы на праздникъ Вакха шли
И — любимца Купидона —
Старика Анакреона
 На рукахъ съ собой несли.

Много юношей насъ было,
Бодрыхъ, смѣлыхъ, каждый съ милой
 Каждый бойкій на языкъ;
Но — вино сверкнуло въ чашахъ —

Мы глядимъ — красавицъ нашихъ
Всѣхъ привлечь къ себѣ старикъ!...

Дряхлый, пьяный, весь разбитый,
Черепъ розами покрытый —
Чѣмъ имъ головы вскружилъ?
А онѣ намъ хоромъ пѣли,
Что любить мы не умѣли,
Какъ когда-то онѣ любилъ!

1852.

ЮНОШАМЪ.

Будьте, юноши, скромнѣе!
Что за пылъ! чуть сталъ живѣе
 Разговоръ — душа пировъ —
Вы и вспыхнули какъ порохъ!
Что за крайность въ приговорахъ!
 Что за рѣзкость голосовъ!

Посмотрите — вкругъ зѣваютъ
Ваши дѣвы! засыпаютъ
 Старички подъ этотъ крикъ....
Сами вы.... Но полно! смирно!
Слово мудрости всемірной
 Держить вамъ теперъ старикъ.

Пить умно вы не съумѣли!
 Чуть за столъ — и охмѣлѣли,
 Чѣмъ и какъ — вамъ все равно!
 Мудрый пьетъ съ самосознаньемъ,
 И на свѣтъ, и обонянемъ
 Оцѣняетъ онъ вино.

Онъ, теряя тихо трезвость,
 Мысли блескъ даетъ и рѣзвость,
 Умиляется душой,
 И, владея страстью, гнѣвомъ,
 Старцамъ милъ, приятенъ дѣвамъ,
 И — доволенъ самъ собой.

1852.

АНАКРЕОНЪ СКУЛЬПТОРУ.

(Посв. графу Ф. П. Толстому.)

Что чинится намъ, ваятель!
Оба мы съ тобой, пріятель,
Удостоены вѣнца:
Свѣжій лавръ — твоя награда,
Я въ вѣнкѣ изъ винограда
Вѣкъ слыву за мудреца.

Такъ подь старость, хоть для смѣху,
Хоть для юпошей въ потѣху,
Мнѣ одинъ вопросъ рѣши.
Видѣлъ я твои творенья;

Формы, мысли выраженье —
 Все обдумалъ я въ тиши.

Но однимъ смущень я крѣско....
 Въ нихъ совсѣмъ не видно слѣпка
 Съ нашихъ модныхъ героинь —
 Жриць аѳинскаго разврата,
 А съ любимыхъ мной когда-то
 Юныхъ дней моихъ богинь!

Горлицъ, манною вскормленныхъ,
 Купидономъ припасенныхъ
 Мнѣ, какъ баловню его!
 А съ красотъ ихъ покрывало,
 Милый другъ, не упадало,
 Знаю я, ни для кого!

Вотъ хоть Геба молодая,
 Что кувшинъ съ главы спуская,
 Изъ-за рукъ, смѣясь, глядитъ —
 Это Дафна! та жь незрѣлость
 Юныхъ формъ, дѣвчонки смѣлость
 И ужъ взрослой дѣвы стыдъ!

Дафну я тащъ отъ свѣта!

Этой розы ждалъ расцвѣта —
 Но напрасно! Разъ она,
 Искупавшись, нагая,
 Въ воду камешки кидая,
 Веселилася одна....

Я подкрался.... обернулась.
 Увидала, поскользнулась,
 И съ уступа на уступъ
 Въ самый омутъ.... Къ ней лечу я,
 Вспылъ — и что же? Выношу я
 Изъ воды холодный трупъ!

Зналъ еще я дочь Сатрапа!
 Подкупивъ ея арапа,
 Проникалъ въ гаремъ я къ ней;
 Что же? ликъ ея надменный,
 Нетерпѣнъемъ оживленный,
 Вижу въ Герѣ я твоей!

Та жь игра въ ланитахъ смуглыхъ,
 Та же линія округлыхъ,
 Чудно выточенныхъ погъ,
 То жь изгѣженное тѣло,

И волнистость спинки бѣлой....

Нѣтъ! ты видѣть ихъ не могъ!

Иль художники, какъ боги,

Входятъ въ Зевсовы чертоги,

И читая мысль его,

Видятъ въ вѣчныхъ идеалахъ

То, что смертнымъ, въ доляхъ малыхъ,

Открываетъ божество?

1833.

У ХРАМА.

Что́ это? прямо на насъ и летять въ перегонки,

Прямо съ горы и несутся, шалуны!

Знаю ихъ: эта, что съ тирсомъ — Аглая,

Сзади — Коринна и Хлоя.

Это идуть онѣ съ жертвами Вакху!

Розъ, молока, и вина молодого,

Меду несуть, и козленка молочнаго ташуть!

Такъ ли приходитъ молиться степенная дѣва!

Спрячемся здѣсь, за колонной у храма....

Знаю ихъ: рѣзвы онѣ уже слишкомъ и бойки —

Скромному юношѣ съ ними опасно встрѣчаться.

Ну, такъ и есть! быстроглазья! насъ увидали!

Смотрять сюда изъ подлобья,

Шепчуть, другъ друга толкая;

Щеки ихъ сдержаннымъ смѣхомъ такъ и трепещуть!
 Если бы только не храмъ здѣсь, не жрецъ величавый, —
 Это вино, молоко, и цвѣты, и козленокъ —
 Все бѣ полетѣло на насъ и пошли бѣ мы, какъ жертвы
 Вѣчнымъ богамъ на закланье,
 Медомъ обмазаны, политы винами Вакха!

Право, уйдемъ-ка, ужь такъ онѣ насъ не отпустятъ!

Видишь — съ жрецомъ въ разговоры вступили,
 Старый смѣется и шурить глаза на открытыя плечи.
 Правду сказать, у нихъ плечи какъ будто изъ воску,
 Чудныя, полныя руки, и — что всего лучше —
 Блескъ и движенье, здоровье и нѣга,
 Грація съ силой во всѣхъ сочеталися формахъ.

1851.

АРКАДСКИЙ СЕЛЯНИНЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ.

Здѣсь сатиры прежде жили;
Одного мы разъ нашли
И живаго изловили,
И въ деревню привели.

Всѣ смотрѣть пришли толпами;
Онъ на корточкахъ сидѣлъ,
И безцвѣтными глазами
На людей, дичась, глядѣлъ.

Но потомъ съ людьми свикался,
Съ ними ѣлъ и пилъ вино,
Объѣдался, ошивался,
Впрочемъ вслѣ себя умно.

Но весна пришла — такъ мочи
 Намъ не стало отъ него.
 Не пройдетъ ни дня, ни ночи
 Безъ лихихъ проказъ его....

Женщинъ сталъ ловить и мучить!...

Чуть увидить — задрожить,
 Ржеть, и лаеъ, и мяучить,
 Цѣловаться наровить.

Стали бить его мы больно;
 Онъ исправился совсѣмъ,
 Сталъ послушный,
 Такъ, что любо было всѣмъ.

Бабы съ нимъ смѣле стали
 Обходиться и играть,
 На работы въ поле брали,
 Стали пряниковъ давать.

Не прошло однако года,
 Какъ у всѣхъ у насъ — дивись —
 Въ козлоногого урода
 Ребятишки родились!

Да, у всѣхъ на лбу-то рожки
 Въ небольшой лѣсной орѣхъ,
 Козьи маленькія ножки,
 Даже хвостики у всѣхъ.

Къ намъ въ деревню прошлымъ лѣтомъ
 Русскій баринъ забѣжалъ.
 Обо всемъ услыша этомъ,
 Усмѣхнувшись, онъ сказалъ:

«Хорошо, что мы съ папашей
 Безъ хвоста и съ гладкимъ лбомъ;
 Быть иначе бь дворнѣ нашей
 И съ рогами, и съ хвостомъ.»

1833.

ПРЕТОРЪ.

Какъ ты милъ въ вѣнкѣ лавровомъ,
Толстопузый преторъ мой,
Съ этой лысой головой,
И съ лицомъ своимъ багровымъ!
Милъ, когда ты шуришь глазъ
Передъ плѣнницей лезбійской,
Что выводитъ на -показъ
Для тебя евнухъ сирійской;
Милъ, когда тебя несутъ
Десять ликторовъ на форумъ,
Чтобъ творить народу судъ
И внушать покорность взоромъ!
И люблю я твой порывъ,
Въ мигъ, когда въ носилкахъ лёжа,

Съ своего ты смотришь ложа,
Какъ подъ гусли пляшетъ снѣгъ,
Выбивая дробь ногами,
Внизъ потупя мутный взглядъ,
И подергивая въ ладъ
И руками и плечами.
Вижу я: ты выбивать
Самъ готовъ бы дробь подъ-стать;
Такъ и рвется духъ твой пылкій!
Покрывало теребя,
Ходятъ ноги у тебя,
И качаются носилки
На плечахъ рабовъ твоихъ,
Какъ корабль средь волнъ морскихъ.

1857.

И П О В Е Ш Ь

ВЕСНА.

Весна! выставляется первая рама!

И въ комнату шумъ ворвался,

И благовѣсть ближняго храма,

И говоръ народа, и стукъ колеса.

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:

Вонъ — даль голубая видна....

И хочется въ поле, въ широкое поле,

Гдѣ, шествуя, сыплеть цвѣтами весна!

1854.

Голубевкїй, чистый,
Подсвѣжникъ-цвѣтокъ!
А подлѣ сквозистый
Послѣдній свѣжокъ....

Послѣднія слезы
О горѣ быломъ,
И первыя грѣзы
О счастья нномъ....

1857.

Мы на дачу перебрались
Спозаранку, и досель
Отъ погоды запырались
Вотъ ужъ больше двухъ недѣль.

Спать легли вчера въ ненастье;
А сегодня — что за день!
Солнце, птицы! блескъ и счастье!
Лугъ росистъ, цвѣтеть сирень....

А еще въ пріятной лѣни
Спать подь утро ангелъ мой....
Дай-ка я парву сирени,
Да холодною росой

Я на сонную-то брызну....
То-то сладко будетъ мнѣ
Побѣдить въ ней укоризну
Свѣжей вѣстью о веснѣ!

1855.

Поле зыблется цвѣтами....
Въ небѣ льются свѣта волны....
Вешнихъ жаворонковъ пѣнья
Голубыя бездны полны.

Взоръ мой тонетъ въ блескъ полдня....
Не видать пѣвцовъ за свѣтомъ....
Такъ надежды молодыя
Тѣшатъ сердце мнѣ привѣтомъ....

И откуда раздаются
Голоса ихъ, я не знаю....
Но, ииъ внимаю, взоры къ небу,
Улыбаясь, обращаю.

1857.

НА МОГИИЪ.

Сладко мнѣ быть на кладбищѣ, гдѣ спишь ты, мой милый!

Нѣтъ разрушенья въ природѣ! нѣтъ смерти конечной!

Чадо ума и души — твоя мысль пронесется къ потом-
камъ....

Здѣсь же, о другъ мой, мнѣ съ трепетомъ сердце ска-
зало —

Въ этой серебристой осокѣ и въ розахъ, въ ней пышно
цвѣтущихъ,

Въ этихъ дубкахъ молодыхъ — есть ужь частица тебя.

1850.

Все вокруг меня какъ прежде —
Пестрота и блескъ въ долинахъ;
Лѣсъ опять тѣнистъ и зеленъ,
И шумить въ его вершинахъ....

Отчего жъ такъ сердце ноетъ,
И стремится, и болѣетъ,
Неиспытаннаго просить,
И о прожитомъ жалѣеть?

Не начать вѣдь жизнь сначала —
Даромъ сила растерялась,
Да и по-пусту растратилъ
Ту, которая осталась....

А вокругъ меня какъ прежде
Пестрота и блескъ въ долинахъ!
Лѣсъ опять тѣнистъ и зеленъ,
И шумитъ въ его вершинахъ!

1857.

ЖУРАВЛИ.

Отъ грустныхъ думъ очнувшись, очи
Я подымаю отъ земли;
Въ лазури темной, къ полуночи
Летать станицей журавли.

Отъ криковъ ихъ на небѣ дальномъ
Какъ будто благовѣсть идетъ....
На нашемъ сѣверѣ печальномъ
Просторъ и счастье ихъ ждетъ.

Здѣсь воды свѣтлы, лѣсу въ-волю,
На нивахъ сочное зерно....
Чего жъ еще? вѣдь имъ на долю
Любить и мыслить не дано....

1855.

У Т Р О.

(Преданіе о виллисахъ.)

Близко, близко солнце!
Понеслись на встрѣчу
Грядки золотыя
Облачковъ летучихъ;
Встрепенулись птицы,
Заструились воды;
Изъ ущельевъ черныхъ
Вылетѣли тѣни —
Бѣлыя невѣсты:
Головы и тѣло
Кисей покрыты,
Только обозначень

Въ нихъ лучемъ румянымъ
Профиль лицъ и груди....

1856.

ЛѢТНІЙ ДОЖДЬ.

1.

«Золото, золото падаетъ съ неба!»
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ....
— Полно-те, дѣти, его мы сберемъ,
Только сберемъ золотистымъ зерномъ
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба!

1856.

2.

Помнишь — мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдругъ засталъ насъ ливень далеко отъ дома.
Мы спѣшили скрыться подъ мохнатой елью....
Не было конца тутъ страху и веселью!
Дождикъ лилъ сквозь солнце, и подъ елью мшистой
Мы стояли точно въ клѣткѣ золотистой;
По землѣ вокругъ насъ точно жемчугъ прыгалъ;
Капли дождевыя, скатываясь съ иголъ,
Падали, блистая, на твою головку,
Или съ плечъ катились прямо подъ снуровку....
Помнишь — какъ все тише смѣхъ нашъ становился....
Вдругъ надъ нами прямо громъ перекатился —
Ты ко мнѣ прижалась, въ страхѣ очи жмуря....
Благодатный дождикъ! золотая буря!

1856.

ГОЛОСЪ ВЪ ЛѢСУ.

Давно какой-то дѣвы пѣнье
Въ лѣсу преслѣдуетъ меня,
То замирая въ отдаленьѣ,
То гулко по лѣсу звеня.

И возмущенъ мечтой лукавой,
Смотрю я въ чашу, гдѣ средь мглы
Блестятъ на солнцѣ листья, травы
И сосенъ красные стволы.

Идти ль за дѣвой молодою?
Иль сохранить, въ душѣ тая,
Тотъ милый образъ, что мечтою
Подъ чудный голосъ создалъ я?...

ЗОЛОВЫ АРФЫ.

Засуха!... Воздухъ спитъ.... и небеса молчатъ....
И арфъ золотыхъ безмолвенъ грустный рядъ....
Тѣ арфы — это вы, пѣвцы моей отчизны!
То образъ вашихъ душъ, исполненныхъ тоской,
Заоблачной мечтой и грустной укоризной!
Молчать онѣ, молчать, какъ арфы въ этотъ зной!...
Но, если бѣ мимо ихъ промчался вихремъ геній,
И жизни духъ пахнулъ въ родимой сторонѣ —
На встрѣчу новыхъ силъ и новыхъ откровеній
Какими бѣ звуками откликнулись онѣ!...

1856.

СЪНОКОСЪ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами....
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.

Тамъ — сухое убираютъ:
Мужички его кругомъ
На-возъ вилами кидаютъ....
Возъ растеть, растеть какъ домъ....

Въ ожиданьи конь убогій
Точно вкопанный стоитъ....
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спить....

Только жучка удалая
Въ рыхломъ снѣгѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая въ попыхахъ.

1856.

ВЪ ЛѢСУ.

Шумить, звенить ручей лѣсной,
Ліясъ блистающимъ стекломъ
Вокругъ вѣтвей сосны сухой,
Давно какъ гать лежащей въ немъ.
Вкругъ темень лѣсъ и воздухъ сыръ;
Иду я, страхъ едва тая....
Нѣтъ, здѣсь свой міръ, живущій міръ,
И жизнь его нарушилъ я....
Вдругъ все свершавшееся тутъ
Остановилося при мнѣ,
И всѣ слѣдятъ за мной и ждутъ,
И злое мыслятъ въ тишинѣ;
И точно любопытный взоръ
Ко мнѣ отвсюду устремленъ,

И слышу я нѣмой укоръ,
И духъ мой сдвленъ и смущенъ.

1857.

✠

ОБЛАЧКА.

Въ легкихъ нитяхъ, бѣлой дымкой,
На лазурь сквозясь,
Облачка бѣгутъ по небу,
Съ вѣтеркомъ рѣзвась.

Любо ихъ слѣдить очами....
Выше — вѣчность, Богъ!
Взоръ безъ нихъ остановиться бѣ
Ни на чемъ не могъ....

Страсти сердца! жизни мелочь!
Суета суеть!
Только вами и прекрасенъ
Сердцу Божій свѣтъ!

Васъ развѣять съ неба жизни, —
И вся жизнь тогда —
Силъ слѣпыхъ, законовъ вѣчныхъ
Вѣчная вражда.

1857.

НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду — съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжать колосья предо мной,
И колятъ мнѣ лицо.... Иду я наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчель тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ черезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О Божья благодать!... о, какъ прилечь отрадно
Мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ всемя, вижу я — на всемъ полей просторѣ

И жницы, и жнецы, пыряя точно въ морѣ,
 Ужь вяжутъ весело тяжелые снопы;
 Вонъ — по зарѣ стучать проворные цѣпы;
 Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
 Вездѣ скрыпятъ возы; средь шумнаго народа
 На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
 Гуськомъ какъ журавли, проходятъ бурлаки,
 Нагнувши головы, плечами папирая,
 И длинной бичевой по влагѣ ударяя....

О Боже! Ты даешь для родины моей
 Тепло и урожай — дары святыя неба;
 Но хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
 Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
 Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
 Тобой насажены, повѣяла весна,
 И непогодами несгубленные зерна
 Пустили свѣжіе ростки свои проворно;
 О, дай намъ солнышка! пошли Ты вѣдра намъ,
 Чтобъ вырѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
 Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
 Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
 И позабывъ, что ихъ мы полили слезами,
 Промолвить: «Господи! какая благодать!»

ИЗЪАЗЪ.

Люблю дорожкой лѣсною,
На зная самъ куда, брести;
Двойной глубокой колею
Идешь — и вѣтъ конца пути....
Кругомъ пестрѣетъ лѣсъ зеленый.
Уже румянить осень клены,
А ельникъ зеленъ и тѣнистъ;
Осижникъ желтый бьетъ тревогу;
Осыпался съ березы листь,
И какъ коверъ устлалъ дорогу....
Идешь какъ будто по водамъ —
Нога шумить.... а ухо внемлетъ
Малѣйшій шорохъ въ чащѣ, тамъ,
Гдѣ пышный папоротникъ дремлетъ,

А красныхъ мухоморовъ рядъ
Какъ карлы сказочные спять....
Ужь солнца лучъ ложится косо....
Вдали проглянула рѣка....
На тряской мельницѣ колеса
Уже шумять издалека....
Вотъ на дорогу выѣзжаетъ
Тяжелый возъ — то промелькнетъ
На солнцѣ вдругъ, то въ тѣнь уйдетъ....
И крикомъ клячѣ помогаетъ
Старикъ, а на возу дитя,
И дѣда страхомъ тѣшитъ внучка;
А хвостъ пушистый опустя,
Вкругъ съ лаемъ суетится жучка,
И звонко въ сумракѣ лѣсномъ
Веселый лай идетъ кругомъ.

1853.

ЗВУКИ НОЧИ.

О ночь безлунная!... Стою я какъ влюбленный,
Стою и слушаю, тобой обвороженной....
Какая музыка подъ ризою твоей!
Кругомъ — стеклянный звонъ люющихся ключей;
Тамъ — листикъ задрожалъ подъ каплею алмазной;
Тамъ — пташки полевой свистокъ однообразной;
Стрекозы, какъ часы, стучать между кустовъ;
По рѣчкѣ, въ камышахъ, отъ топкихъ острововъ,
Съ разливовъ хоры жабъ несутся, какъ глухіе
Органа дальняго аккорды басовые,
И царствуетъ надъ всей гармоніей ночной
По вѣтру то звончѣй, то въ тихомъ замираньѣ,
Далекой мельницы глухое клокотанье....
А звѣзды.... Пѣть, и тамъ, по тверди голубой,

**Въ ихъ металлическомъ сіяньѣ и движенѣ
Мнѣ чувствуется гулъ ихъ вѣчнаго теченья.**

1856

БОЛОТО.

Я цѣлый часъ болотомъ занялся.
Тамъ бѣлоусъ торчитъ какъ щетка жесткій;
Тамъ точно прудъ зеленый разлился;
Лягушка взгромоздясь, какъ на подмостки,
На старый пенъ, торчащій изъ воды,
На солнцѣ нѣжится и дремлетъ.... Бѣлымъ
Пушкомъ одѣты тощіе цвѣты;
Надъ ними мошки выются роємъ цѣлымъ;
Лишь незабудокъ сочныхъ бирюза
Кругомъ глядитъ умильно мнѣ въ глаза,
Да оживляютъ бѣдный мѣръ болотной
Порханье бѣлой бабочки залетной,
И хлопоты стрекозокъ голубыхъ
Вокругъ тростинокъ тощихъ и сухихъ.

Ахъ! прелесть есть и въ этомъ заустѣннѣ!...
 А были дни, мое воображенье
 Плѣнялъ лишь видъ подобныхъ тучамъ горъ;
 Небесъ глубокихъ праздничный просторъ,
 Монастыри, да бѣлыхъ виллъ ограда
 Подъ зеленью плюща и винограда....
 Или луны торжественный восходъ
 Между колоннъ руины молчаливой,
 Надъ серебромъ съ горы падающихъ водъ....
 Мнѣ въ чудные гармоній переливы
 Слагался ревъ катящихся зыбей;
 Въ какой-то мѣръ вводилъ онъ безграничной,
 Гдѣ я робѣлъ душою непривычной,
 И радостно присутствіе людей
 Вдругъ ощущалъ, сквозь этотъ гулъ упорной,
 По погремушкамъ вьючныхъ лошадей,
 Тропинкою спускающихся горной....
 И вотъ — теперь такую же мечтой
 Душа полна, какъ и въ былые годы,
 И также здѣсь заманчиво со мной
 Бесѣдуетъ таинственность природы.

1856.

Вот бѣдная чья-то могила
Цвѣтами, травой зарастаетъ ;
Подъ розами даже не видно,
Чье имя цѣлита возглашаетъ....

О бѣдный! и въ сердцѣ у милой
О жизни мечты золотыя
Не такъ же ль, какъ розы, закрыли
Когда-то черты дорогія?

1857.

ЛАСТОЧКИ.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ;
Память опъ, поломанъ и пусть,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Настурцій въ немъ огненный кустъ....

Мнѣ грустно! меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листь, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.

Взгляну ль по привычкѣ подъ крышу —
Пустое гнѣздо надъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу;
Солома обвѣтрилась въ немъ....

А помню я, какъ хлопотали
 Двѣ ласточки, строя его!
 Какъ прутики глиной скрѣпляли,
 И пуху таскали въ него!

Какъ весель былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
 Какъ любо имъ было, когда
 Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
 Выглядывать стали съ гнѣзда!

И цѣлый-то день говоруньи,
 Какъ дѣти, вели разговоръ....
 Потомъ полетѣли, летуньи!
 Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!

И вотъ — ихъ гнѣздо одиноко!
 Онъ ужъ въ иной сторонѣ —
 Далеко, далеко, далеко....
 О, если бы крылья и мнѣ!

1856.

ОСЕНЬ.

Кроетъ ужь листь золотой

Влажную землю въ лѣсу....

Смѣло топчу я ногой

Вешнюю лѣса красу.

Съ холоду щеки горять;

Любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,

Слышать, какъ сучья трещать,

Листья ногой загребать!

Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ!

Лѣсъ съ себя тайну совлѣкъ:

Сорванъ послѣдній орѣхъ,

Свянулъ послѣдній цвѣтокъ;

Мохъ не приподнять, не взрыть
 Грудой кудрявыхъ груздей;
 Около пня не висить
 Пурпуръ брусничныхъ кистей;

Долго на листьяхъ лежить
 Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
 Холодно какъ-то глядить
 Ясность прозрачныхъ небесъ....

Листья шумять подъ ногой;
 Смерть стелеть жатву свою....
 Только я весель душой,
 И какъ безумный пою!

Знаю, не даромъ средь мховъ
 Ранній подснежникъ я рвалъ;
 Вплоть до осеннихъ цвѣтовъ
 Каждый цвѣтокъ я встрѣчалъ:

Чтó имъ сказала душа,
 Чтó ей сказали они —
 Вспомню я, счастьемъ дыша,
 Въ зимніе ночи и дни!

Листья шумят подъ ногой....

Смерть стелеть жатву свою!

Только я весель душой,

И какъ безумный пою!

1856.

ИЗЪТАНІА.

Пусть пасмурный октябрь осенней дышетъ стужей,
Пусть сѣетъ мелкій дождь или порою градъ
Въ окошки звякаетъ, рѣбитъ и пѣнитъ лужи,
Пусть сосны черныя, качаяся, шумятъ,
И даже безъ борьбы, покорно, незамѣтно,
Сдаетъ угрюмый день, больной и безпривѣтной,
Природу грустную ночной холодной мглѣ, —
Я одиночества не знаю на землѣ.

Забившись на диванъ, сижу; воспоминанья
Встаютъ передо мной; слагаются изъ нихъ
Въ широкомъ очеркѣ блестящія созданья,
И люди движутся, и глубже каждый мигъ
Я вижу души ихъ, достоинства ихъ мѣрю,
И такъ ужь наконецъ въ присутствіе ихъ вѣрю,

Что даже кажется, ихъ видить черный котъ,
Который помѣстясь на столъ, подъ образами,
Подыметъ морду вдругъ и желтыми глазами
По темной комнатѣ, мурлыча, поведетъ....

1855.

И городъ вотъ опять! опять сіяетъ балъ,
И полнь жужжанія, какъ улей, свѣтлый залъ!
Вотъ люди, вотъ та жизнь, въ которой обновленья
Я почерпнуть рвался изъ сельской тишины....
Но, Боже! какъ они ничтожны и смѣшны!
Какой въ нихъ жалкій видъ тоски и принужденья!
И слушаю я ихъ.... душа моя скорбитъ!
Подъ общій уровень ей подогнуться трудно;
А рѣзвая мечта опять меня манитъ
Въ пустыни Божіи изъ сей пустыни людной....
И неба сивяго раздолье вижу я,
И жаворонокъ въ немъ звенить на полной волѣ,
А колокольчиковъ безчисленныхъ семья
По вѣтру зыблется въ необозримомъ полѣ....

То рѣчка чудится, осыпавшійся скать,
Съ котораго торчитъ корней мохнатыхъ рядъ
Отъ лѣса, наверху разросшагося дико.
Чу! шорохъ — я смотрю: вокругъ гнилаго пня,
Надъ муравейникомъ, алѣетъ земляника,
И вѣтки спѣлыя манятъ къ себѣ меня....
Но вижу — разобравъ тростникъ сухой и тонкій,
Къ пурпурнымъ ягодамъ двѣ блѣдныя ручонки
Тихонько тянутся.... какъ легкой, рѣзвый сонъ,
Головка дѣтская является, роня
Густые локоны, серебристые какъ лёнъ....
Одно движеніе — и нимфочка лѣсная,
Мгновенно оробѣвъ, малиновки быстрѣй,
Скрывается среди качнувшихся вѣтвей.

1856.

Какъ чудныхъ странниковъ сказанья
 Про дальнiя края,
О прошлыхъ дняхъ воспоминанья
 Въ душѣ читаю я....

Какъ сонъ блестящiй вижу горы,
 Статуи, рядъ дворцовъ,
Рѣзные, темные соборы
 Старинныхъ городовъ....

Гремятъ веселые напѣвы
 За дружескимъ столомъ;
Въ златомъ туманѣ идутъ дѣвы
 Подъ розовымъ вѣнкомъ....

Но клики пира, дѣвъ улыбки
 Меня не веселятъ,
 И прежде милая ошибки
 Соблазномъ не манять....

Иного счастья сердце просить....
 Ужь изъ знакомыхъ водъ
 Въ иныя воды вѣтеръ вносить
 Мой чолнъ; волна реветъ;

Кругомъ угрюмѣй видъ природы,
 И звѣздъ иныхъ огнемъ
 Небесъ таинственные своды
 Осыпаны кругомъ....

Къ нимъ такъ и тянетъ взоръ мой жадной,
 Но ихъ спокойный видъ,
 Ихъ блескъ холодный безотрадно
 Мнѣ душу леденить!

За все, чѣмъ прежде сердце жило,
 Чѣмъ билось, я дрожу,
 И въ даль туманную уныло,
 Оставивъ руль, гляжу, —

И не садится ангелъ бѣлой
Къ рулю въ мой углый чолнъ,
Какъ въ оны дни, когда такъ смѣло
Онъ велъ его средь волнъ.

1857.

Когда гонимъ тоской неутолимой,
Войдешь во храмъ и ставешь тамъ въ тиши,
Потерянный въ толгѣ необозримой,
Какъ часть одной страдающей души:
Невольно въ ней твое потонетъ горе,
И чувствуешь, что духъ твой вдругъ влился
Таинственно въ свое родное море,
И за одно съ нимъ рвется въ небеса.

1857.

НА СМЕРТЬ Ш. И. ГЛИНКИ.

Еще печаль! опять утрата!
Опять вопросъ въ душѣ занялъ
Надъ прахомъ бѣднаго собрата:
Куда жъ онъ шелъ? зачѣмъ онъ жилъ?

Ужель за тѣмъ, чтобъ сердца муки
На пѣсни намъ перевести,
Намъ дать въ забаву эти звуки,
И неразгаданнымъ уйти?

Я эти звуки повторяю,
Но пѣснямъ, милымъ съ давнихъ дней,
Уже иначе я внимаю....
Онѣ звучать уже полнѣй....

Р О З Ы.

Вся въ розахъ — на груди, на легкомъ платьѣ бѣломъ,
На черныхъ волосахъ, обвитыхъ жемчугами,
Она покоилась, назадъ движеньемъ смѣлымъ
Откинувъ голову съ открытыми устами.
Сіяло чудное лицо живымъ румянцемъ....
Остановился балъ, и музыка молчала,
И — соблазнительнымъ ошеломленный танцемъ,
Я, на другомъ концѣ блистательнаго зала,
Съ красавицею вдругъ очами повстрѣчался....
И какъ и отчего — не знаю! — мнѣ въ мгновенье
Сорренто голубой заливъ нарисовался,
Пестумскій красный храмъ въ туманномъ отдаленьѣ,
И вилла, садъ и пиръ временъ гораціанскихъ....
И по заливу вдругъ, на золотой галерѣ,

Шлываетъ среди толпы невольницъ африканскихъ,
Вся въ розахъ — Лидія, подобная Венерѣ....
И что жъ? обманутый блистательной мечтою,
Почти съ признаніемъ очнулся я отъ грезы
У ногъ красавицы.... Ахъ вы всему виною,
О розы Пестума, классическія розы!...

1857.

Зачѣмъ, шута неосторожно,
Въ мою ты вкрадывалась душу?
Я зналъ, что мѣръ карая ложной,
Я сонъ души твоей нарушу....

И что жъ? мы смотримъ другъ на друга:
Ты — въ изумленьѣ и въ безильѣ,
Какъ ангелъ чистый, отъ испуга
Расправитъ немогущій крылья....

А я.... я чувствую, надъ бездной
Теперь поставлена ты мною....
Ахъ, мчись скорѣй въ свой мѣръ надзвѣздной,
Но не зови меня съ собою!

Нѣтъ, не одна у насъ дорога!
То, чѣмъ я гордъ, тебя пугаетъ,
И не увѣруешь ты въ бога,
Который духъ мой наполняетъ....

1857.

Она еще едва умѣетъ лепетать,
Чуть бѣгать начала, но въ маленькой плутовкѣ
Кокетства женскаго ужъ видимы уловки.
Зову ль ее къ себѣ, хочу ль поцѣловать,
И трачу весь запасъ ласкающихъ названій, —
Она откинется, смѣясь, на шею къ няни,
Старушку обовьетъ руками горячо,
И обѣ щеки ей цѣлуетъ безъ пощады,
Лукаво на меня глядитъ черезъ плечо,
И тѣшится моею ревнивою досадою.

1857.

Жизнь еще передо мною
Вся въ видѣнiяхъ и звукахъ,
Точно городъ дальнiй утромъ,
Полный звона, полный блеска!....

Всѣ минувшiя страданья
Вспоминаю я съ восторгомъ,
Какъ ступени, по которымъ
Восходилъ я къ свѣтлой цѣли....

1857.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

Люблю, если тихо къ плечу моему головой прислонив-
шись,

Съ любовью ты смотришь, какъ очи потушивъ, я думаю
думу,

А ты угадать ее хочешь. Невольно проникнуть тобою.
Я очи къ тебѣ обращаю и съ твоими встрѣчаюсь очами,
И мы улыбнемся безмолвно, какъ будто бы въ сладкомъ
молчаньи

Мы мыслью сошлись и много сказали улыбкой и взоромъ.

1850.

II.

Еще я полнъ, о другъ мой милый,
Твоимъ явленьемъ, полнъ тобой!...
Какъ будто ангелъ легкокрылый
Слеталъ бесѣдовать со мной, —

И проводивъ его въ преддверье
Святыхъ небесъ, я безъ него
Сбираю выпавшія перья
Изъ крыльевъ радужныхъ его....

1852.

III.

РАЗМѢНЪ.

«Нѣтъ! прежней Нины нѣтъ! когда я застаю,
Опомнясь вдругъ, себя предъ образомъ лежащей,
Молиться жаждущей, но словъ не находящей,
И чувствую, какъ жжетъ слеза щеку мою,
И наболѣла грудь, тоскуя въ жаждѣ знойной, —
Я прежней дѣвочки безпечной и спокойной
Въ себѣ не узнаю!

«Я все ему — все отдала ему!
Онъ, бѣдный, чахъ душою безнадежной!
Не вѣрилъ онъ, покорный лишь уму,
Въ возможность счастья, въ возможность страсти нѣжной....

«Онъ — все, мои мечты, мой чистый идеалъ,
И сердце склонное къ блаженству и надеждѣ,
Какъ бы свое потерянное прежде
Сокровище нашелъ во мнѣ — и взялъ!...

«Взаимнѣ онъ далъ мнѣ, что его томилло:
Сомнѣніе, и слезы, и печаль....
Но я не плачу, нѣтъ! мнѣ ничего не жаль,
Лишь только бѣ то, что было мнѣ такъ мило,
Что взялъ онъ у меня — ему бѣ во благо было....»

1852.

IV.

Истомленная горемъ, всѣ выплакавъ слезы,
На рукахъ у меня какъ младенецъ ты спишь;
На лицѣ твоемъ кроткомъ послѣдняя дума
Съ неотертой послѣдней слезинкой дрожить.
Ты заснула, безмолвно меня укоряя,
Что безчувственъ къ слезамъ я казался твоимъ....
Не затѣмъ ли сквозь сонъ ты теперь улыбнулась,
Точно слышишь, что грустно смотря на тебя,
Тихо нянча тебя на рукахъ какъ младенца,
Я страдаю какъ ты, и заплакать готовъ?

1851.

V.

Порывы нѣжности обуздывать умѣя,
На ласки ты скупа. Всегда собой владѣя,
Лелѣешь чувство ты въ безмолвіи, въ тиши,
Въ святилищѣ больной, тоскующей души....
Я знаю, страсть въ тебѣ питается слезами.
Когда жь измучена ревнивыми мечтами,
Сомнѣнья и тоску, и гордость побѣдя,
Отдашься сердцу ты какъ слабое дитя,
И жмешь меня въ своихъ объятіяхъ рыдая, —
Я знаю, милый другъ, не можетъ такъ другая
Любить какъ ты! Нѣтъ словъ милѣе словъ твоихъ,
Нѣтъ искреннѣе слезъ и клятвъ твоихъ нѣмыхъ,
Краснорѣчивѣе — признанья и укора,
Признательнѣе нѣтъ и глубже нѣту взора,

**И нѣтъ лобзанія сильнѣе твоего,
Которымъ бы сказать душа твоя желала,
Какъ много любишь ты, какъ много ты страдала!**

1852.

VI.

Точно голубь свѣтлою весною,
Ты веселья нѣжнаго полна,
Въ первый разъ, быть можетъ, всей душою
Долго сжатой страсти предана....

И межъ тѣмъ, какъ музыкою счастья
Упоенъ, хочу я въ тишинѣ
Этотъ мигъ, какъ лучъ среди ненастья,
Охватить душой своей вполне,

И молчу, чтобъ не терять ни звука,
Что дрожать въ сердцахъ у насъ съ тобой —
Вижу вдругъ — ты смолкла, въ сердцѣ мѹка,
И слеза струится за слезой.

На мольбы сказать мнѣ, что проникло
Въ грудь твою, чѣмъ сердце сражено —
Говоришь: ты къ счастью не привыкла,
И страшить тебя — къ добру ль оно?...

Ну, такъ что жъ? пусть снова идутъ грозы!
Солнце вновь вослѣдъ проглянетъ имъ,
И тогда страданія и слезы
Мы опять душой благословимъ.

1855.

Ф А И Т А З И И

СОНЪ ВЪ ЛѢТНЮЮ НОЧЬ.

(Апол. Алекс. Григорьеву.)

Долго ночью вчера я заснуть не могла,
Я вставала, окно отворяла.
Ночь нѣмая меня и томила, и жгла,
Ароматомъ цвѣтовъ опьяняла....

Только вдругъ шелестнули кусты подъ окномъ,
Распахнулась, шумя, занавѣска —
И влетѣлъ ко мнѣ юноша — свѣтелъ лицомъ,
Точно весь былъ изъ луннаго блеска.

Разодвинулись стѣны свѣтлицы моей,
Колоннады за ними открылись;

Въ пирамидахъ изъ розъ вереницы огней
Въ алебастровыхъ вазахъ свѣтились....

Чудный гость подходилъ все къ постели моей;
Говорилъ онъ мнѣ съ кроткой улыбкой:
«Отчего предо мною въ подушки скорѣй
Ты вырнула испуганной рыбкой!

«Оглянися — я богъ, богъ видѣній и грѣзъ,
Тайный другъ я застѣнчивой дѣвы....
Я блаженство земное впервые принесъ
Для тебя, для моей королевы»....

Говорилъ — и лицо онъ мое отрывалъ
Отъ подушки тихонько руками;
И щеки моей край горячо цѣловалъ,
И искалъ моихъ устъ онъ устами....

Подъ дыханьемъ его обезсилѣла я....
На груди разомкнулися руки....
И звучало въ ухахъ: «ты моя! ты моя!»
Точно арфы далекіе звуки....

Протекали часы.... я открыла глаза....
Мой покой ужь былъ облитъ зарею....

Я одна.... вся дрожу.... распустилась коса....

Я не знаю, что было со мною....

1857.

И К Р И.

Грѣхи омывшая слезами,
Еще тѣхъ слезъ не осуша,
Въ селеня горнія взлетаетъ
Творцомъ прощенная душа.

Ее обнявъ, въ пространствѣ звѣздномъ
Съ ней пери чистыя летять;
Толпы малютокъ-херувимовъ
При встрѣчѣ пѣснями гремятъ....

О, ей восторженнымъ бы кликомъ
Пустыни неба огласить,
Благодарить, и веселиться,
И все земное позабыть, —

Но пери смотреть съ любопытствомъ,
И съ лаской вокругъ ея вѣясь,
Умилно просить имъ повѣдать
Ея паденія разсказъ.

Отраднo ль имъ утѣшить душу
Въ земныхъ возросшую скорбяхъ —
Иль ходять чудныя преданья
Про грѣшный мiръ на небесахъ?

1857.

ДОНОТОННАЯ КОСТЬ.

Я съ содроганіемъ смотрѣлъ
На эту кость инаго вѣка....
И насъ такой же ждетъ удѣлъ:
Пройдетъ и племя человѣка....

Умолкнетъ славы нашей шумъ;
Умрутъ объ людяхъ и преданья,
Все, чѣмъ могучъ и гордъ нашъ умъ —
Въ иныя не войдетъ созданья.

Оледенѣлою звѣздой
Или потухнувшимъ вулканомъ
Помчится, какъ корабль пустой,
Земля небеснымъ океаномъ.

И, странствуя между міровъ,
Возсядетъ духъ мимолетащій
На остовъ нашихъ городовъ
Какъ на гранить неговорящій....

Такъ разумъ въ тайнахъ бытія
Читаеть намъ.... но сердце бьется,
Надежду робкую тая —
Авось онъ, гордый, ошибется!

1857.

ИМПРОВИЗАЦІЯ.

Мерцаєть по стѣнѣ заката отблескъ рдяной,
Какъ уголь искрися на рамѣ золотой...
Мнѣ дорогъ этотъ часъ. Сосѣдка за стѣной
Садится въ сумерки порой за фортепяно,
И я слѣжу за ней внимательной мечтой.
Въ фантазїи ея любимая есть дума:
Долина, сельскаго исполненная шума,
Пастушескій рожокъ.... домой стада идутъ....
Утихли.... разошлись.... земные звуки мрутъ
То въ бѣгломъ говорѣ, то въ пѣсни одинокой —
И въ плавномъ шествїи гармонїи широкой
Я ночи, сыплющей звѣздами, слышу ходъ....
Все днемъ незримое таинственно встаетъ
Въ сїяньѣ мѣсяца, при запахѣ фїялокъ,

Въ волшебныхъ образахъ какихъ-то чудныхъ грёзъ,
 То фей порхающихъ, то плещущихъ русалокъ
 Вкругъ остановленныхъ на мельницѣ колёсъ....

Но вотъ торжественной гармоніи разливы
 Сливаются въ одну мелодію, и въ ней
 Мнѣ сердца слышатся горячіе порывы,
 И звуки говорятъ страстямъ души моей.
 Crescendo.... вотъ мольбы, борьба и шопотъ страстный,
 Вотъ крикъ пронзительный и — рядъ аккордовъ ясный,
 И все сливается, какъ въ сладкій говоръ струй,
 Въ одинъ томительный и долгій поцѣлуй.

Но замиравшіе опять яснѣютъ звуки....
 И въ пѣсни страстная вторгается струей
 Одинъ тоскливый звукъ, молящій полный муки....
 Растетъ онъ, все растетъ, и льется ужъ рѣкой....
 Ужъ сладкій гимнъ любви въ одномъ воспоминаньѣ
 Далеко трелится.... по каменной стопой
 Неумолимое идетъ, идетъ страданье —
 И каждый шагъ его грохочетъ надо мной....
 Одинъ какой-то вопль въ пустынь безпредѣльной
 Звучить, зоветъ къ себѣ.... увы! надежды нѣтъ!...
 Онъ поетъ.... и среди громовъ ему въ отвѣтъ
 Лишь жалобный напѣвъ пробился колыбельной....

ИМПЕРІА ДУМІ

Въ юдоли плача и порока
Поэтъ въ душѣ своей слагаетъ
Невольнo вѣщій гласъ пророка —
И мiръ иной сооружаетъ.

Въ томъ мiрѣ Истина: блистаетъ
Въ ея щитѣ глава Медузы;
Предъ ней порокъ свой мечъ роняетъ,
И ниспадають съ скорбныхъ узы.

Она идетъ: предъ ней крушатся
Повсюду монументы злобы,
И розы пышныя родятся
Тамъ, гдѣ страдальцевъ были гробы;

И вокруг все дивное творится:
Пигмей низвергнулъ исполина,
И благодущный рабъ садится
На мѣсто злаго господина.

Все, что страдало, что боролось
Противу зла, изнемогая,
Отсюда возвышаетъ голосъ,
Господень судъ благословляя;

И люди такъ же благи снова,
Какъ тѣ, которые внимали
При Галилейскомъ морѣ слово,
Съ ихъ душъ снимавшее печали....

Такъ за ночными облаками,
Сквозь ихъ серебрянныя пятна,
Ты небо чувствуешь съ звѣздами,
И съ глубиною необъятной.

1857.

ВИХРЬ.

(Отрывокъ.)

Полнь черныхъ думъ, я въ полѣ проходилъ,
И вдругъ, среди истоми и тревоги,
Неистовымъ настигнуть вихремъ былъ.

Средь тучи пыли, поднятой съ дороги,
Древесные кружилися листы,
Неслись снопы, разметанные стоги,

Деревьевъ вѣтви, цѣлые кусты.
Стада, блѣя и головы понура,
Помчались; ревъ и вой средь темноты

Такой поднялся, что, глаза зажмура,
 Я побѣжалъ, и думалъ, что разбить
 Иль вынести хотѣла землю буря.

Мгновенно думъ моихъ порвалась нить.
 Попавши въ круть и сляся напрасно
 Запорошенные глаза открыть,

Я вспомнилъ дантовъ адскій вихрь ужасной,
 Который гналъ, крутя, какъ листъ въ лугу,
 Тѣней погибшихъ вѣчно сонмъ злосчастной.

И что же? вдругъ я слышу на-бѣгу,
 Что не одинъ я схваченъ адской кручей,
 И волочусь въ безвыходномъ кругу.

На мигъ открывъ глаза, сквозь вихоръ ягучій,
 Я множество узрѣлъ головъ и лицъ,
 Одеждъ, какъ парусъ бившихся летучій,

Взбѣсившихся коней, въ пыли возницъ,
 Дѣтей и женщинъ, подымавшихъ руки
 Изъ-подъ колесъ разбитыхъ колесницъ.

Лишь по устамъ, открытымъ въ страшной мукѣ,
 Я понималъ, что всё они вонять,
 Но вихорь вырываетъ изъ усть ихъ звуки,

И мчалъ онъ ихъ, какъ щепки водопадъ....
 Я вдругъ попалъ въ затишь за скалою,
 И провожать бѣгущихъ могъ мой взглядъ.

И видѣлъ я: тяжелою стопою,
 Какъ мчатся въ страхъ по полю быки,
 И между нихъ телята — хвостъ строкою —

Бѣжали юноши и старики.
 Надъ ними вихрь кружилъ листы бумаги
 И рвалъ съ головъ сѣдые парики....

Педантовъ внигъ узналъ я въ сей ватагѣ:
 Ихъ жалкій кругъ когда-то охранялъ
 Наукъ святыню и, въ слѣпой отвагѣ,

Дорогу къ ней народу преграждалъ....
 За ними вслѣдъ — исчадье канцелярій —
 Дѣльцовъ, пройдохъ печальный сонмъ бѣжалъ....

Тутъ были мопсовъ морды, волчьи хари,
И головы ушастыхъ лошаковъ,
И Зевсъ міровъ подъяческихъ, и парій.

Ихъ точно гналъ незримый рой бѣсовъ.
Одинъ толстякъ упалъ, изнемогая,
Но вихрь его, средь пыльныхъ облаковъ,

То внизъ, то вверхъ кидалъ, какъ мячъ швыряя;
Другому же блудница на плеча
Повисла, какъ вампирь, его кусая:

Онъ билъ ее, зубами скрежеща....
За ними дамъ толпы, въ нарядѣ бальномъ,
Въ вѣнкахъ изъ розъ, въ гирляндахъ изъ плюща,

Какъ будто плыли въ вальсѣ музыкальномъ,
Подобныя летящимъ лебедямъ
Надъ синей степью къ озерамъ зеркальнымъ.

И франтовъ рой бѣжалъ по ихъ слѣдамъ,
Толкаяся и руки простирая
За улетающей толпою дамъ:

Такъ спугнутыхъ домашнихъ утокъ стая
 Бѣжитъ по пруду, шлёпая крыломъ,
 И взвиться въ воздухъ силы напрягая....

Но вихорь сталъ еще сильнѣй потомъ,
 Опять толпы помчались въ ураганъ,
 Какъ арміи въ дыму пороховомъ.

Какъ въ разноцвѣтномъ, огненномъ фонтанѣ,
 И голубыхъ и алыхъ лентъ цвѣта
 Передо мной мелькали, какъ въ туманѣ.

Я чувствовалъ, страшна та высота,
 Съ которой вихрь низвергнулъ сихъ несчастныхъ....
 Но вдругъ, смотрю, ясиѣтъ темнота,

И пыли столбъ, и съ нимъ толпа безгласныхъ
 И жалкихъ жертвъ въ клубящемся пескѣ,
 Весь просіялъ въ отливвахъ свѣта красныхъ.

И въ бѣлой ризѣ, крестъ держа въ рукѣ,
 Маситый старецъ сталъ передъ толпами,
 Какъ каменный утесъ въ упоръ рѣкѣ.

Онъ вошѣлъ: «покайтесь!» и перстами
Указывалъ на городъ.... Я взглянулъ —
И онѣмѣлъ.... Огонь, клубясь волнами,

Надъ городомъ все небо обогнулъ.
Изъ дыма искры сыпались, какъ сѣмя
Отъ вѣяла — и вдругъ, сквозь трескъ и гулъ,

Съ небесъ раздался гласъ: «Приспѣло время!
Се Тотъ, Кого забыли вы! Долой,
О блудное и вѣтренное племя!»

Я въ ужасѣ упалъ полуживой.

1856.

СТАРЫЙ ХЛАМЪ.

Въ мебельной лавчонкѣ, въ старомодномъ хламѣ,
Старые портреты въ полинялой рамѣ.

Все-то косы, пудра, мушки и румяны,
Черезъ плечи ленты, съ золотомъ кафтаны:

Дней давноминувшихъ знатные вельможи —
Полины и дородны, жиръ сквозить подъ кожей.

Между ними жены съ лебединой шеей:
Грудь впередъ какъ панцырь, мрамора бѣлѣе,

Волосы горою надъ челомъ ихъ взбиты,
Перьями, цвѣтами пышно перевиты....

И во всѣхъ-то лицахъ выразилъ искусно
Гордость ловкій мастеръ.... И смѣшно, и грустно!

Кто они такіе? этихъ лицъ не видно
Въ пышныхъ галереяхъ, гдѣ почетъ завидной

Вѣкъ нашъ предкамъ добрымъ воздастъ исправно,
Гдѣ живутъ въ портретахъ старины недавной

Главные актеры, главныя актрисы....
Эти жъ, видно, были вѣку лишь кулисы!

Высшихъ потѣшали пошлымъ обезьянствомъ,
Низшихъ угнетали мелочнымъ тиранствомъ;

А сошли со сцены — всѣмъ вдругъ стали чужды,
И до ихъ портретовъ никому нѣтъ нужды,

И стоять у лавки, точно какъ привратникъ,
Старая кокетка, вѣтренный развратникъ!...

Но — вотъ ликъ знакомый, и свѣжѣ краски....
Скоро жъ до печальной дожилъ онъ развязки!

Грубо намалеванъ — а вѣдь образъ чудный!
И его никто-то, въ часъ развязки трудный,

Не сберегъ отъ срама, — и свезенъ купцами
Онъ съ аукціона вмѣстѣ съ зеркалами!...

Крышку ль надъ прекрасной гробъ уже захлопнулъ?
Биржа ль измѣнила? откупъ что ли лопнулъ?...

Въ Римѣ и Аѳонахъ Фрины были, Лиды,
Вѣтренныя жрицы пламенной Киприды;

Но съ Кипридой Музы въ двери къ нимъ влетали,
И у нихъ Сократа розами вѣнчали....

Злая Мессалина, въ дикомъ сладострастьѣ,
Въ Вандалѣ косматомъ обнимала счастье....

Нынѣ чужды Музамъ корифейки оргій;
Чужды Мессалинамъ страстные восторги;

Черезъ нихъ карьеру созидаютъ франты,
И связей и денегъ ищутъ спекулянты....

Узнаю въ портретѣ этомъ я торговку!
Врядъ ли разрѣшала страсть у ней снуровку;

Но она не мало жертвъ съ сумой пустила,
И еще робѣвшихъ воровать учила!

Помню я, бывало, какъ сидитъ въ театрѣ —
Ей партеръ дивится точно Клеопатрѣ:

Плечи восковыя, голова Меду,
Смоляныя косы сметены какъ змѣи;

Руку на колѣняхъ на руку сложивши,
Смотритъ изъ-подлобья, губу закусивши,

И изъ полумрака, въ углубленьи ложи —
Точно выбираетъ жертву въ молодежи —

Такъ-вотъ и казалось — кинется тигрица!...
Не любви, а денегъ жаждала блудница!

1856.

Уйди отъ насъ! языкъ твой насъ пугаетъ!

У насъ сердецъ восторженныхъ порывъ

Передъ твоимъ бездушьемъ замираетъ —

Ты жолчень, золь, самолюбивъ....

Межъ тѣмъ какъ мы, стремясь на свѣтъ изъ мрака,

Стряхнувши прахъ всендневной суеты,

Идемъ во храмъ искусства, — сзоди ты

За икры насъ кусаешь какъ собака.

1852.

ФИЛАНТРОНЫ.

Они обѣдали отлично;
Тепло вращается ихъ кровь,
И къ человѣку безгранично
Ихъ разгорѣлася любовь.

Они — и мухи не погубятъ!
И — дай Господь имъ долги дни! —
Мнѣ даже кажется, что любятъ
Другъ друга искренно они!

1853.

ПОСЛѢ БАЛА.

Мнѣ душно здѣсь! вашъ міръ мнѣ тѣсенъ!
Цвѣтовъ мнѣ надобно, цвѣтовъ,
Веселыхъ лицъ, веселыхъ пѣсень,
Горячихъ споровъ, острыхъ словъ,
Гдѣ бъ былъ огонь и вдохновенье,
И безпорядокъ, и движенье,
Гдѣ бъ походило все на бредъ,
Гдѣ бъ каждый былъ хоть мигъ — поэтъ!
А то — сберетеса вы чинно;
Гирлянды дамъ сидятъ въ гостинной;
Забава ихъ — хула да ложь;
Танцуетъ въ залѣ молодежь —
Дѣвицы съ устъ улыбку гонять,
По лицамъ ихъ не разберешь —

Тутъ веселятся или хоронять....
Вы сами — бьетесь въ ералашь,
Чинопоклонствуете, лжете,
Торгуете и продаете —
И это праздникъ званый вашъ!
Не даромъ съ бала исчезая,
И въ санки быстрыя сядясь,
Какъ будто силы оправляя,
Корнетъ кричить: пошелъ въ тапцклассъ
А ваши дамы и дѣвицы
Изъ-за кулисъ бросаютъ взоръ,
На пиръ разгульный модной львицы,
На золотой ея позоръ!

1850.

Передъ твоей душой пугливой
Титаномъ гордымъ онъ предсталъ,
Въ которомъ мiръ непрозорливой
Родства съ богами не призналъ.
И ты, воспитанная въ горѣ,
Внезапнымъ свѣтомъ залита,
Въ замаскированномъ актерѣ
Не разгадала ты — шута!
И какъ обманутая Геба,
Ты отъ Зевесова стола,
Скорбя, ему, какъ сыну неба,
Зевесовъ нектаръ подала....
Чтобъ заглушить его угрозы
Всему, что дорого тебѣ,

Ты падаешь, глотая слезы,
Къ его стопамъ, въ пѣмой мольбѣ;
Но тщетно трепетныя руки
Зажать уста его хотять!
Твои младенческія муки
Его смѣшать и веселятъ....
Ему такъ новы — думъ свобода,
И свѣжесть чувствъ въ твоихъ рѣчахъ,
Какъ горожанину природа
Въ весеннихъ краскахъ и лучахъ.

1853.

УТОНИСТЪ.

Свои помѣстья умнымъ нѣмцамъ
На попеченіе отдавъ,
Ты самъ межъ ними чужеземцемъ
Проводишь вѣкъ — и что жъ? ты правъ....
Твои мечты витають выше....
Что передъ ними — нищихъ полкъ,
Да избы съ сломанною крышей,
Да о житейскихъ дрязгахъ толкъ?
Подобно мудрому Зевесу,
Ты въ олимпійской тишинѣ,
На міръ накинувъ тучъ завѣсу,
Сидишь съ собой наединѣ.
Сидишь — для міра вымышляя
И лучшій строй, и новый чинъ, —

И весь Олимпъ молчить, гадая,
Чѣмъ озабоченъ властелинъ?...
И лишь для рѣзваго Эроса —
У жизнедавца и отца
Міродержавная забота
Спадаетъ съ грознаго лица.

1857.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Опрятный домикъ.... садъ съ плодами....
Бесѣдки, грядки, цвѣтнички....
И все воздѣлываютъ сами
Мои сосѣди старички.

Они умѣютъ достохвально
Соединить въ своемъ быту
И романтизмъ сентиментальный
И старыхъ нравовъ простоту.

Полна высокихъ чувствъ святыней,
И не растративъ ихъ въ глуши,
Старушка вѣруетъ и нынѣ
Въ любовь за гробомъ, въ жизнь души.

Чужда событій чрезвычайныхъ,
 Вся жизнь ея полна была
 Самопожертвованій тайныхъ
 И угожденій безъ числа.

Пучки цвѣтовъ, вѣнки сухіе
 Хранятся въ комнатѣ у ней;
 Она святитъ въ нихъ дорогія
 Воспоминанья прошлыхъ дней;

Порою въ спальню къ дочкѣ входитъ;
 Рукою свѣчку заслоня,
 Глядитъ и плачетъ.... и приводитъ
 Себѣ на память, день отъ дня,

Все прожитое.... тамъ все ясно!
 О чемъ же сѣтуетъ она?
 Иль въ сердцѣ дочери прекрасной
 Она читаетъ и сквозь сна?

Старушка мучится сомнѣньемъ,
 Что чуждѣ для дочки отчій кровь;
 Что дочь съ упрямымъ озлобленьемъ
 Глядитъ на ласки стариковъ;

Что въ ней есть странная забота....
 Отсталый лебедь — точно ждётъ
 Свободной стаи перелёта,
 И кликъ слышитъ — и вспорхнетъ!...

Но не вспорхнетъ она на небо!
 Ужь демонъ вѣка ей шепталъ,
 Что жизнь — не мука ради хлѣба,
 Что красота есть капиталъ!...

Ей снится огненная зала....
 Ей сняты тысячи очей,
 За ней слѣдящихъ въ шумѣ бала,
 Какъ за царицей бальныхъ фей....

Полночный пиръ.... шальные рѣчи....
 Бокалы въ дребезги летятъ....
 Покровы прочь! открыты плечи,
 Язвить и жжетъ прекрасной взглядъ —

И передъ нею на колѣняхъ
 Толпа вельможъ и богачей
 Въ мольбахъ неистовыхъ и пеняхъ —
 И сыплютъ золото предъ ней!

Уйди, старушка!... Богъ во гнѣвѣ
 Шлетъ бичъ намъ въ дѣтищѣ твоемъ
 За попеченье лишь о чревѣ,
 И зло караетъ тѣмъ же зломъ!

Великолѣпные чертоги
 Твою возлюбленную ждуть;
 Къ ней вѣка денежные боги
 На поклоненіе прійдутъ,

И — осмѣявшіе стремленья
 Любви мечтательной твоей,
 Узнаютъ жгучія мученья
 Въ крови родившихся страстей!

И будутъ, мѣя въ жаждѣ страстной,
 Искать божественной любви
 Подъ этой маской вѣчно ясной,
 Подъ этой граціей змѣи!

Напрасно! нѣтъ!... одинъ ужъ лопнетъ,
 Другой пойдетъ открыто красть,
 Острогъ за третьимъ дверь захлопнетъ,
 Кто пулю въ любь... благая часть!

Одна владычица ихъ міра —
Она лишь блескомъ залита....
Спокойный профиль.... взглядъ вампира....
И неподвижныя уста....

1857.

(Отрывокъ.)

Надъ прахомъ генія свершать святую тризну
Народъ притекъ. Кто холмъ цвѣтами осыпалъ,
Кто звучные стихи усопшаго читалъ,
Гдѣ радовался онъ и плакалъ за отчизну,
И каждый повторялъ, съ слезами на глазахъ:
«Да, чувства добрыя онъ пробуждалъ въ сердцахъ.»
Но вдругъ среди толпы ужасный крикъ я вмешаю....
То на-земь кинулся какъ жердь сухой старикъ.
Онъ корчился, кусалъ и рылъ ногтями землю,
И пѣну ярости точилъ его языкъ.
Его никто не зналъ. Но старшіе въ народѣ
Припомнили, что то былъ старъй клеветникъ,
Изъ тѣхъ, чья ненависть и немощная злоба
Шли слѣдомъ за пѣвцомъ, не смолкли и у гроба,

Дерзая самый судъ потомства презирать.
И вотъ, поднявшись и бормоча безъ связи,
На холмъ могильный сталъ кидать онъ комья грязи....
Народъ, схвативъ его, готовъ былъ растерзать,
Но Вождь мой удержалъ. «Вашъ гнѣвъ пѣвца обидить»,
Сказалъ: «Стекайтеся какъ прежде совершать
Поминки надъ пѣвцомъ, и гробъ его въпчать,
А сей несчастный — пусть живетъ и видитъ!»

1865.

ОНЪ И ОНА.

(Четыре картины.)

1.

Давно ль была она малютка,
Давно ль вся жизнь ея была
Лишь смѣхъ, да бѣганье, да шутка,
Какъ сонъ легка, какъ май свѣтла?
И вотъ — ласкаясь и безгласно,
Она глядитъ ему въ глаза
Съ такой довѣрчивостью ясной,
Какъ смотреть дѣти въ небеса.
А онъ, ребенокъ милый вѣка,
Лепечетъ вдохновенно ей
Про назначенье человѣка,
Про блескъ и славу нашихъ дней,

Про пальмы свѣтлаго востока,
Про Рафаэлевыхъ Мадоннъ;
Но о любви своей намѣка
Не смѣетъ выговорить онъ.
Ихъ милый лепетъ, ихъ мечтанья
Порой подслушиваю я —
И точно розъ благоуханье
Пахнетъ внезапно на меня.

2.

Гремитъ оркестръ; вино сверкаетъ
Предъ новобрачною четой.
Счастливецъ мужъ въ толпѣ сіяетъ
И сѣдинами, и звѣздой.

На молодой — горятъ алмазы;
Блестящій свѣтъ у ногъ ея;
Картины, мраморы и вазы —
Все ей твердить: здѣсь все твое!

И зажигается румянецъ
Въ ея лицѣ, и вдругъ она
Летитъ безумно въ шумный танецъ,
Какъ бы очнувшись ото сна —

Всѣ рукошлещуть!... Имъ не слышно,
Изъ нихъ никто не угадалъ,
Что въ этотъ мигъ отъ дѣвы пышной
На небо ангелъ отлеталъ!

И улетая, безотрадно
Взиралъ на домикъ, гдѣ дрожить
Сожженныхъ писемъ пепелъ хладной,
Гдѣ о слезахъ все говорить!

3.

Онъ снесъ ударъ судьбы суровой,
Тоску любви онъ пережилъ;
Въ сухомъ трудѣ для жизни новой
Онъ зачерпнулъ отважно силъ....

И вотъ — идетъ онъ въ блескъ власти,
Весь въ холодъ правды облеченъ;
Въ груди молчатъ людскія страсти,
Въ груди живетъ одинъ законъ.

Его ничто не возмущаетъ;
Какъ жрецъ, безъ внутреннихъ тревогъ,
Во имя буквы онъ караетъ
Тамъ, гдѣ помиловалъ бы Богъ....

И если вдругъ, какъ стонъ въ пустынь,
Какъ кликъ невѣдомой борьбы,
Отвѣтитъ что-то въ немъ и нынѣ
На вопль проклятья и мольбы —

Онъ вспомнить все, что прежде было,
Любви и вѣры благодать,
И ту, что сердце въ немъ убила —
И проклянетъ ее опять!

4.

Какъ перелетныхъ птичекъ стая
Встрѣчать весну у теплыхъ водъ,
Готова въ путь толпа густая.
Ворча дымится пароходъ.

Средь бѣготни, подь смѣхъ и горе,
Смягчаютъ мигъ разлуки злой
И солнца блескъ, и воздухъ съ моря,
И близость воли дорогой.

Но вотъ среди блестящей свиты
Жена прекрасная идетъ;
Лакей, весь золотомъ залитый,
Предъ ней расталкивалъ народъ....

И всё сторонятся съ молчаньемъ,
 Съ благоговѣнною душой,
 Предъ осіанною страданьемъ
 И міру чуждой красотой.

Какъ будто смерти тихій гепій
 Надъ нею крылья распростеръ,
 И намъ невѣдомыхъ видѣній
 Ея духовный полонъ взоръ....

Свисти, на палубу змѣею
 Канатъ откинутый взвился,
 И надъ качнувшейся волною
 Взметѣла пылъ отъ колеса:

Она на берегъ уходящій
 Едва глядитъ; въ туманѣ слезъ
 Уже ей видѣнъ югъ блестящій,
 Отчизна миртовъ, царство розъ;

Но этотъ темный миртъ уныло,
 Подъ гнетомъ каменнаго сна,
 Стоитъ надъ свѣжею могилой,
 И въ той могилѣ спать она —

Одна, чужда всему живому,
Какъ бы на казнь обречена —
За то, что разъ тельцу златому
На мигъ повѣрила она.

1857.

MOTHER FEENE

(1857 — 1858.)

Г Ъ Ы Ы Е.

(Прологъ.)

Давно его мелькаетъ тѣнь
Въ садахъ поэзіи родимой,
Какъ въ рощѣ трепетный олень,
Врагомъ невидимымъ гонимой.
И скачемъ мы за нимъ толпой,
Коней ретивыхъ утомляя,
Звеня уздечкою стальной
И крикомъ воздухъ оглашая.
Олень бѣжитъ по ребрамъ горъ,
И съ горъ кидается стрѣлою
Въ туманы дремлющихъ озеръ,
Осеребренные луною....

И мы стоимъ у береговъ...
Въ туманахъ — замки, пѣсень звуки,
И благовонія цвѣтовъ,
И хохоть, полный адской муки,

1857.

I.

Пора, пора за умъ мнѣ взяться!
Пора отбросить этотъ вздоръ,
Съ которымъ въ міръ привыкъ являться
Я, какъ нанющенный актеръ!

Смѣшно все въ мантии иль тогѣ,
Съ партера не сводя очей,
Читать въ надутомъ монологѣ
Анализъ сердца и страстей!...

Такъ.... но безъ ветоши ничтожной
Неловко сердцу моему!
Ему смѣшонъ былъ пафосъ ложный;
Противень смѣхъ теперь ему!

Вѣдь все жъ, на память роль читая,
Въ ней вопли сердца я твердилъ
И, въ глупой сценѣ умирая,
Взаправду смерть въ груди носилъ!

II.

Сердце, сердце! что ты плачешь?

Иль судьба тебѣ страшна?

Полно! что зима отыметъ —

Все отдастъ тебѣ весна!

А вѣдь что еще осталось!

Божій міръ не обойдешь!

Выбирай себѣ любое:

Что полюбишь — все возьмешь!

III.

Осенняго мѣсяца обликъ
Сквозить въ облакахъ серебромъ.
Стоить одинокъ на кладбищѣ
Пастора умершаго домъ.

Уткнулася въ книгу старуха;
Сынъ тупо на свѣчку глядитъ;
Двѣ дочки сидятъ, сложа руки;
Зѣвнувши, одна говоритъ:

«Вотъ скука-то, Господи Боже!
Въ тюрьмѣ веселѣе живутъ!
Здѣсь только и есть развлеченья,
Какъ гробъ съ мертвецомъ принесутъ!»

Старуха добавила тихо:

— «Всего четверыхъ принесли
Съ тѣхъ поръ, какъ отца схоронили...
Охъ, дни-то какъ скоро прошли!»

Тутъ старшая дочка очнулась.

«Нѣтъ, полно! не въ мочь голодать!
Отправляюсь-ка лучше я къ графу!...
Съ терпѣньемъ-то нечего взять!...»

И вторить ей братъ, оживившись:

— «И дѣло! а я такъ въ шинокъ,
У добрыхъ людей научиться
Казной набивать кошелькъ!»

Въ лицо ему книгу швырнула

Старуха, не помня себя:

— «Издохни ты лучше, проклятый!
Отецъ бы слышалъ тебя!»

Вдругъ всѣ на окно оглянулись:

Оттуда рука имъ грозитъ —
Умершій пасторъ передъ ними
Во всемъ облаченьѣ стоять....

IV.

Не теряй, мой другъ, терпѣнья,
Что въ стихахъ моихъ порой
Слышно старое мученье,
Вѣтъ прежнюю тоской!...

Дай, умолкнетъ въ сердцѣ эхо
Прежнихъ бѣдъ и мукъ моихъ —
Полонъ счастья, полонъ смѣха,
Изъ души полетятъ стихи.

V.

Много слышалъ добрыхъ я совѣтовъ,
Наставленій, ласки и обѣтовъ;
Говорили: «только не ропщите,
Мы ужь васъ поддержимъ, погодите!»

Я повѣрилъ, ждалъ, заботы кинулъ,
И едва отъ голоду не сгинулъ....
Да нашелся добрый человѣкъ —
Поддержалъ, спасибо, онъ мой вѣкъ.

Каждый день онъ хлѣба мнѣ приноситъ,
И въ награду ничего не проситъ....
Обнялъ бы его я — да нельзя!
Человѣкъ-то добрый этотъ — я.

VI.

НА МОРѢ.

Тишь и солнце! спать пучины,
Чуть волною шевеля;
Изумрудныя морщины
Вкругъ бѣгутъ отъ корабля.

Въ штиль о морѣ не тревожась,
Спать, какъ мертвый, рулевой.
Весь въ дегтю, у мачты съѣжась,
Мальчикъ чинить холстъ худой.

Съ грязныхъ щекъ румянецъ пышетъ;
Ротъ, готовый всхлипнуть, сжать;

Грудь все чаще, чаще дышетъ,
Лобъ наморщенъ, поднять взглядъ:

Передъ нимъ, багровъ отъ водки,
Капитанъ стоитъ, вопя:
«Негодяй! ты — красть селедки!
Вотъ я вышколю тебя!»

Тишь и солнце!... Въ влагѣ чистой
Рыбка прыгаетъ; кольцомъ
Вьетъ свой хвостикъ серебристой,
Шутить съ солнечнымъ лучомъ.

Вдругъ по небесамъ пустыннымъ
Свищетъ чайка какъ стрѣла,
И, нырнувши клювомъ длиннымъ,
Съ рыбкой въ небо поплыла.

VII.

Осердившись, кастраты,
 Что я грубо пою,
Злобнымъ рвеньемъ объаты,
 Пѣснь запѣли свою.

Голоса ихъ звенѣли,
 Какъ чистѣйшій кристалъ;
Въ ихъ румадѣ и трели
 Колокольчикъ звучалъ;

Чувства въ дивныхъ ихъ звукахъ
 Было столько, что вокругъ
Въ истерическихъ мукахъ
 Выносили старухъ.

VIII.

Ну, время! конца не дождешься!
И ночь-то! в дождикъ-то леть!
Къ окну подойдешь, содрогнешься,
И за сердце злоба возьметъ.

А вонъ — съ фонаремъ черезъ лужи
Вѣдь вышелъ же кто-то бродить....
Старушка-сосѣдка! дрожить, чай, отъ стужи —
Да надобно мучки кушить.

Чай, хочеть, бѣдняжка, для дочки, для крошки,
Пирогъ она завтра испечь....
А дочка, поджавши лѣнныя ножки,
Извоили въ кресла залечь....

И щурять на свѣчку глазенки....

И рады, что пусто вокругь....

Лепечуть, шая, ихъ губенки

Завѣтное пмячко вслухъ.

IX.

Плачу я, въ лѣсу блуждая.
Дроздъ за мной по вѣткамъ скачетъ,
На меня онъ все косится
И щебечеть: «что онъ плачетъ?»

— «Ты спроси своихъ сестричекъ,
Умныхъ ласточекъ спроси ты,
У которыхъ гнѣзды прямо
Надъ окошкомъ милой свиты.»

Х.

Сіяль одинъ миѣ въ жизни,
Одинъ чудесный ликъ!
Но онъ угасъ — и мракомъ
Я былъ затопленъ вмигъ....

Когда дѣтей внезапно
Въ лѣсу застигнетъ ночь,
Они заводятъ пѣсню,
Чтобъ ужась превозмочь;

И я, чтобы не думать,
Пою среди людей....
Скучна имъ эта пѣсня —
Да миѣ нестрашно съ ней!

XI.

Я вглядываюсь жадно
Въ портретъ ея нѣмой —
И, мнится, оживаетъ
Она передо мной;

Глядитъ мнѣ прямо въ очи
Съ улыбкой и слезой,
И, точно сожалѣя,
Качаетъ головой....

Невольно слезы льются
Изъ глазъ моихъ въ отвѣтъ....
Не вѣрится! ужели
Ея ужъ больше нѣтъ!...

XII.

Одинокая слезка

По ланитамъ прокралась....

Лишь одна отъ бывова

Мнѣ она оставалась....

Ея свѣтлыя сестры —

Ихъ развѣяли годы!

Съ ними радость и горе

Унесли непогоды....

Расплылися въ туманы

Прежнихъ звѣздъ мириады,

Проливавшихъ такъ много

Мнѣ на сердце отрады....

Въ самомъ сердцѣ ужь нѣту
На любовь отголоска....
Ужь и ты проливайся,
Одинокая слезка!

ХІІІ.

Что за милый это мальчикъ!
Какъ онъ радъ всегда поэту
Предложить отвѣдать устрицъ,
Сдѣлать честь его Моэту!

Вѣчно — фракъ и бѣлый галстухъ;
Тонъ хорошаго сословья;
По утрамъ ко мнѣ онъ ходитъ
Объ моемъ узнать здоровьѣ;

О моей хлопочетъ славѣ,
Остроты мои собираетъ;
Мнѣ въ дѣлахъ или въ бездѣльѣ
Услужить не пропускаетъ;

Декламируетъ въ салонахъ,
Дамъ плѣняя слухъ и взгляды,
Изъ моихъ твореній дивныхъ
Вдохновенныя тирады....

О, такіе люди — рѣдкость —
Хоть смѣшны порой, какъ дѣти,
Въ вѣкъ, когда ужъ лучшихъ нѣту —
Да выводятся и эти!

XIV.

Мнѣ снилось: на рынокъ, въ народѣ,
Я встрѣтился съ милой моею;
Но какъ она шла боязливо,
Какъ бѣдно все было на ней.

Въ лицѣ изхудаломъ и блѣдномъ,
Съ своею рѣсницей густой,
Глаза только прежніе были,
Но чудной сіяли душой.

У ней на рукѣ былъ ребенокъ;
За палецъ держась, поспѣвать
За нею другой торопился —
Румяный.... какъ нѣкогда мать....

И съ ними пошелъ я, тоскливо
 Потунивши въ землю глаза.
 Въ груди моей точно проснулись
 Подавленныхъ чувствъ голоса.

«Пойдемъ», я сказалъ ей, «жить вмѣстѣ;
 Я нянчиться буду съ тобой,
 Ходить за дѣтьми и работать,
 И вновь разцвѣтешъ ты душой!»

Она подняла ко мнѣ очи,
 И очи сказали безъ словъ,
 Одной только грустью: «ужь поздно!»
 И я зарыдать былъ готовъ....

И въ очи смотрѣли ей дѣти,
 Вдругъ обняли мать горячо....
 Ихъ крикъ узвиль мою душу....
 Вдругъ слышу, меня за плечо

Хватаетъ еврей, мой издатель:
 «Побѣда!» кричить, «торжество!
 Въ три дня разошлось все издание....»
 О, какъ же я проклялъ его!...

XV.

Меня ты не смутила,
Мой другъ, своимъ письмомъ.
Грозилъ со мной все кончить —
И пишешь — цѣлый томъ!

Такъ мелко и такъ много....
Читаю битый часъ....
Не пишутъ такъ пространно
Рѣшительный отказъ!...

XVI.

Ее въ грязи онъ подобралъ;
Чтобъ все достать ей, красть онъ сталъ;
Она въ довольствѣ утопала
И надъ безумцемъ хохотала.

И шли пиры.... но дни текли —
Вотъ утромъ разъ за нимъ пришли;
Ведутъ въ тюрьму.... Она стояла
Передъ окномъ и — хохотала.

Онъ изъ тюрьмы ее молилъ:
«Я безъ тебя душой изнылъ,
Прійди ко мнѣ!» — Она качала
Лишь головой и — хохотала.

Онъ въ шесть поутру былъ казненъ,
И въ семь во рву похороненъ, —
А ужъ къ восьми она плясала,
Пила вино и — хохотала.

XVII.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Каждый день въ саду гарема,
У шумящаго фонтана,
Гордымъ лебедемъ проходитьъ
Дочь великаго султана.

У шумящаго фонтана,
Блѣдный, съ впалыми щеками,
Каждый разъ стоитъ невольникъ
И слѣдитъ за ней очами.

Разъ она остановилась,
Подняла глаза большіе

И отрывисто спросила:
«Имя? родина? родные?»

— «Магометь», сказалъ невольникъ:
«Иемень — родина, а кровью
Я изъ Афровъ, родъ, въ которомъ
Рядомъ смерть идетъ съ любовью.»

XVIII.

На мольбы мои упорно
Нѣтъ и нѣтъ ты говоришь,
А скажу ль: тогда простимся!
Ты рыдаешь и коришь....

Рѣдко я молюсь, о Боже!
Успокой ее ты разомъ!
Осуши ея ты слезы,
Просвѣти ея ты разумъ!

XIX.

ЛЮБІЯ.

Отъ солища любія пугливо
Головкой прячется своей,
Все ночи ждеть, все ждеть тоскливо —
Взошелъ бы мѣсяцъ поскорѣй.

Ахъ, этотъ мѣсяцъ тивимъ свѣтомъ
Ее пробудить ото сна
И — всѣмъ дыланьемъ, полнить цвѣтомъ,
Къ нему запросится она....

Глядитъ, горить, томится, блещеть,
И — всѣ раскрывши лепестки,
Благоухаетъ и трепещеть
Отъ упоенья и тоски.

XX.

Чайльдъ Гарольдъ.

Чолнъ плыветь, одѣтый въ трауръ,
И, подобныя тѣнямъ,
Похоронныя фигуры
Въ этомъ чолнѣ по бортамъ.

Передъ ними — трупъ поэта;
Съ непокрытой головой
Все онъ въ небо голубое
Смотритъ мертвый, какъ живой....

Даль звенить.... Кого-то кланчетъ
Точно нимфа изъ-за волнъ....
Точно всхлипывають волны,
Лобызать кидаясь чолнъ.

XXI.

Ночи теплый мракъ гвоздики
Благовоиємъ поять;
Точно рой златистыхъ пчелокъ,
Звѣзды на небѣ блестятъ.

Въ бѣломъ домикѣ, сквозь зелень
Вижу, гаснетъ огонекъ;
Слышу стукъ стеклянной двери,
Слышу милый голосокъ....

Сладкій трепеть, робкій шопоть,
Нѣга счастья и любви....
И — внимательнѣе розы,
Вдохновеннѣй соловьи.

XXII.

Онъ ужь снился мнѣ когда-то
Этотъ самый сонъ любви!...
Воздухъ, полный аромата....
Поцѣлуй.... соловьи....

Такъ же мѣсяцъ всплылъ двурогій,
И бѣлѣтъ водопадъ....
Такъ же мраморные боги
Сторожать у входа садъ....

Ахъ! я знаю, какъ жестоко
Измѣняютъ эти сны!
Какъ заносить снѣгъ глубоко
Поле, полное весны....

Какъ мы сами сонъ свой губимъ,
Забываемъ и клянемъ, —
Мы, которые такъ любимъ,
И блаженствомъ жизнь зовемъ!...

XXIII.

Чуднымъ звукомъ даже ночи
Наполняетъ мнѣ весна,
И въ мечтахъ моихъ, какъ эхо,
Отзывается она.

Точно въ сказочномъ я мірѣ....
Все мнѣ чудно — шумъ листовъ,
Пѣнье птичекъ-невидимокъ,
Ароматъ ночныхъ цвѣтовъ.

Розы кажутся краснѣе,
И вокругъ головокъ ихъ
Точно рѣзано сіянье
Какъ вокругъ ангеловъ святыхъ.

Самъ я — кажется въ ту пору —
Самъ я точно соловей,
И пою я этимъ розамъ
Всю тоску любви моей.

И пою я имъ до солнца,
Иль пока не грянетъ самъ
Соловей весенней рощи
Вызовъ къ братьямъ-соловьямъ.

XXIV.

КОРОЛЬ ГАРАЛЬДЪ.

Король Гаральдъ на днѣ морскомъ
Сидитъ ужь вѣкъ, сидитъ другой,
Съ своей возлюбленной вдвоемъ,
Съ своей царевною морской.

Сидитъ онъ, чарой обойденъ,
Не умирая, не живя;
Въ блаженствѣ тихо замеръ онъ,
Лишь сердце жжетъ любви змѣя.

Склонясь къ коварной головой,
Онъ въ очи демонскія ей
Глядитъ все съ вѣщшею тоской,
Глядитъ все глубже, все страстнѣй.

Онъ какъ пергаменъ пожелтѣлъ,
 Въ сухой шекѣ скула торчить;
 Златистый локонъ посѣдѣлъ,
 И только взглядъ горитъ, горитъ....

И лишь когда гроза гремитъ,
 И вокругъ хрустального дворца
 Хлябь зеленѣя закипитъ, —
 Очнется бранный духъ бойца;

Въ шуму и плескѣ слышитъ онъ
 Норманновъ окликъ удалой —
 И схватить мечъ, какъ бы сквозь сонъ,
 И кинетъ прочь, махнувъ рукой.

Или когда надъ нимъ заря
 Румянитъ сводъ прозрачныхъ водъ,
 Онъ слышитъ пѣснь, какъ встарь моря
 Гаральдъ браздыль средь непогодъ, —

Его встревожить пѣсня та;
 Но злая дѣва сторожить,
 И быстро алая уста
 Къ его устамъ прижать спѣшить.

XXV.

Въ толгѣ опять я слышу пѣсню,
Что пѣла милая когда-то....
Ахъ! въ это солнце, въ этотъ праздникъ
Мнѣ тяжелѣй моя утрата....

И уронить бояся слезы,
При всѣхъ я очи потупляю,
И въ лѣсъ спѣшу, но за слезами
Едва дорогу различаю.

XXVI.

Изъ моей великой скорби
Пѣсни малая родится,
И, звеня, на легкихъ крыльяхъ,
Свѣтлымъ роємъ къ милой мчатся.

Покружася надъ прекрасной,
Возвращаются и плачуть....
Не хотятъ сказать, малютки,
Миѣ, что слезы эти значуть....

XXVII.

Посмотри: во всемъ досиѣхъ
Мужъ, готовый выйти въ бой;
Онъ ужъ бредитъ объ успѣхъ,
Мечъ свой пробуя стальной.

Вдругъ Амуровъ рой крылатый
Съ толку сбилъ его совсѣмъ:
Кто разстегиваетъ латы,
Кто съ главы срываетъ шлемъ;

Кто съ улыбкою лукавой,
Пальчикъ къ губкамъ приложивъ,
Шепчетъ на ухо — и славы
Позабыть святой призывъ.

Узнаешь ли въ этой сценѣ,
Милый ангелъ мой, меня?
Вѣкъ зоветь, бойцы въ аренѣ,
А — въ твоихъ объятяхъ я!

XXVIII.

Ты быстро шла, но предо мною
Вдругъ оглянулася назадъ....
Какъ будто спрашивали гордо
Уста открытыя и взглядъ....

Къ чему ловить мнѣ было бѣлый,
По вѣтру бившійся покровъ?...
А эти маленькія ножки....
Къ чему искалъ я ихъ слѣдовъ!...

Теперь исчезла эта гордость,
И стала ты тиха, ясна,
Такъ возмутительно покорна,
И такъ убійственно скучна!

XXIX.

ВЕСНОЮ.

Сверкая проносятся волны рѣки....

Такъ любитса сердцу весною!...

Пася свое стадо, сплетаетъ вѣнки

Румяная дѣва одна надъ рѣкою.

И солнце и зелень! и жжетъ и томить!...

Такъ любитса сердцу весною!...

«Кому же вѣнки?» кто-то въ слухъ ей твердить —

И мчится мечта за мечтою....

Вотъ слышится шопоть.... вотъ всадникъ летить,

И перьями вѣетъ и блещетъ онъ сталью....

Робѣетъ малютка, и ждетъ и молчить....

Но мигъ — и онъ скрылся за синею далью!...

И плачет и мечетъ въ златыя струи

Бѣдпаяжка вѣнки, съ уязвленной душою....

А гдѣ-то запѣтъ соловей о любви....

Такъ любитя сердцу весною!...

XXX.

Конецъ! опущена завѣса!
Къ разъѣзду публика спѣшитъ....
Ну что жъ? успѣхъ имѣла пьеса?
О, да! въ ушахъ моихъ звучить
Еще доселѣ страстный шопоть,
И крикъ, и вызовы, и топоть....
Ушли.... и зала ужь темна,
Потухли свѣчи.... тишина....

Чу! что-то глухо прозвенѣло
Во тьмѣ близъ сцены опустѣлой....
Иль это лопнула струна
На старой скрипкѣ.... Тамъ что? крысы
Грызутъ ненужныя кулисы....

И лампы гаснутъ и чадить
Отъ нихъ дымящееся масло....
Одна осталась.... вотъ — шипить,
Шипить.... чуть тлѣть.... и угасла....
Ахъ, эта лампа.... то, друзья,
Была, увы! душа моя.

НОВОПРЕЧЕСКИЯ ПЪСНИ

I.

**Ласточка примчалась
Изъ-за бѣла моря,
Сѣла и зашѣла:
Какъ Февраль ни злился,
Какъ ты, Мартъ, ни хмурься,
Будь хоть снѣгъ, хоть дождикъ —
Все весною пахнетъ!**

1858.

II.

Словно ангелъ бѣлый, у окна надъ моремъ,
Пѣла пѣсню дѣва, злымъ убита горемъ,
Вѣтру говорила, волны заклинала,
Милому поклоны съ ними посылала.
Пробѣгалъ корабликъ мимо, подъ скалою;
Слышать мореходы голосъ надъ собою,
Видятъ дѣву-чудо, — парусъ оставляютъ,
Бросили работу, руль позабываютъ.
«Проходите мимо, мореходы, смѣло!
Ахъ! не бѣлокрылымъ кораблямъ я пѣла!
Я взывала къ вѣтру, волны заклинала,
Милому поклоны съ ними посылала.»

III.

Что горы потемнѣли?

Что тьма по нимъ ползеть?

Не вѣтеръ ли ихъ хлещеть?

Не дождикъ ли сѣчетъ?

Не вѣтеръ горы хлещеть,

Не дождикъ ихъ сѣчетъ:

Ихъ Смерть переѣзжаетъ

И полкъ гѣней ведетъ.

Кончаютъ поѣздъ старцы,

А юноши въ челѣ;

Рядкомъ сидятъ младенцы

У Смерти на сѣдлѣ.

И юноши ей кличуть,
 И молят старики:
 «Свернемъ съ пути въ деревню,
 Вдохнемъ хоть у рѣки!

«Испьютъ водицы старцы,
 И юноши пускай
 Поборятся, а дѣтямъ
 Нарвать цвѣточковъ дай.»

— «Въ деревню не заѣду,
 Не стану надъ рѣкой!
 Къ ней матери и жены
 Приходятъ за водой:

«Жена узнаетъ мужа,
 Узнаетъ сына мать —
 Уцѣнятся другъ въ друга,
 И ихъ ужь не разнять!

1858.

IV.

Межь тремя морями башня,
Въ башнѣ красная дѣвица
Нижесть звонкіе червонцы
На серебряныя нити.
Вышло всѣхъ двѣнадцать нитокъ.
Повязавши всѣ двѣнадцать —
Шесть на грудь и шесть на косы,
Вызываетъ дѣва солнце:
«Солнце, выдь! — я тоже выйду!
Солнце, глянь! — я тоже гляну!
Отъ тебя — луга повянуть,
Отъ меня — сердца посохнуть!»

ПОСЛАНИЕ

П. М. Ц У.

Вотъ онъ по г саду
Идетъ съ толпой учениковъ;
Вотъ онъ садится къ водопаду
На мшистый камень, въ тѣнь деревь;
Вкругъ дѣти жмутся молчаливо
Къ нему все ближе. Очи ихъ
Или потушены стыдливо,
Иль слезъ полны, и самъ онъ тихъ,
Но ликомъ свѣтелъ. Онъ читаетъ
Въ молодыхъ сердцахъ. Онъ ихъ проникъ;
Одинъ душой онъ понимаетъ
Неуловимый ихъ языкъ.
Въ сердцахъ, забытыхъ отъ гоненья,
Ожесточенныхъ въ цвѣтъ лѣтъ,

Онъ вызвалъ слезы умиленья,
Онъ пролилъ въ нихъ надежды свѣтъ;
И указуя въ жизнь дорогу,
Онъ челоуѣка идеалъ
Предъ ними долго, понемногу
И терпѣливо раскрывалъ....
И вотъ открытъ! — и ослѣпило
Его сіянье юный взглядъ,
И дѣти съ робостію милой
И изумленіемъ глядятъ.
И каждый самъ въ себя невольно
Ушелъ и плачетъ о себѣ,
И за прошедшее имъ больно —
И всѣ готовятся къ борьбѣ.
Ахъ Ц ! въ этомъ идеалѣ
Вѣдъ ты себя нарисовалъ;
Но только дѣти не узнали,
Да ты и самъ того не зналъ!

Я. П. ПОЛОЦКОМУ.

I.

Твой стихъ, красой и ароматомъ
Родной и небу и землѣ,
Блуждаетъ странникомъ косматымъ
Между міровъ, свѣтя во мглѣ.
Люблю въ его кудряхъ я длинныхъ
И пыль отъ млечнаго пути,
И желтый листь дубровъ пустынныхъ,
Гдѣ отдыхалъ онъ въ забытьи;
Стремится рѣчь его свободно;
Какъ въ звонѣ стали чистой, въ ней
Закалъ я слышу благородной
Души возвышенной твоей.

II.

Полонскій! суждено опять судьбою злою
Намъ розно дни влачить;
Межь тѣмъ моя душа сроднилась ужь съ тобою —
Ей нужно такъ любить!
Да! въ мірѣ для нея нужна душа другая,
Которой бы порой
Хоть знакъ подать, что мы, другъ друга понимая,
Свершаемъ путь земной!
И часто я, когда иду лѣсной опушкой
И, прячась за ель,
Стараюсь обмануть искусственною мушкой
Пугливую форель,
И предо мной шумить ручей студенородный,
А ровъ, гдѣ льется онъ,

Ужъ тѣни полнѣ, и парь надъ нимъ бѣжить холодный,
 Межъ тѣмъ какъ озаренъ
 Вверху растущій лѣсъ послѣднимъ солнца свѣтомъ, —
 Отъ сердца полноты
 Я бѣ перемолвиться желалъ тогда съ поэтомъ,
 И думаю — гдѣ ты?

Гдѣ ты?... О, Боже мой! ты тамъ, гдѣ въ оны годы
 Безпечно я бродилъ....
 Прости невольный вздохъ!... полуденной природы
 И Римъ я не забылъ!...
 Обломки красныя средь роши кипарисной,
 Подъ небомъ голубымъ, —
 Величьемъ своимъ и грязью живописной
 Онъ по душѣ мнѣ, Римъ!
 Какъ часто на коняхъ мы римскою долиной
 Неслись во весь опоръ;
 Коней остановивъ, снимали видъ руины
 И очеркъ дальнихъ горъ,
 И града вѣчнаго въ туманѣ куполъ гордый,
 А тамъ водопроводъ
 И черныхъ буйволовъ къ намъ поднятыя морды
 Въ осокѣ, изъ болотъ....
 И эти городки, куда въ весельѣ дикомъ,
 Какъ будто ошалѣвъ,

Врывались мы потомъ, преслѣдуемы крикомъ
 Старухъ, дѣтей и дѣвъ....
 Тамъ съ громомъ подскакавъ къ радушной австерин,
 Суровыхъ поселянъ
 Напаивали мы, крича «ура!» Россін,
 Ругая Ватиканъ,
 И вѣковой союзъ монаховъ и германцевъ....
 А пламенный народъ
 На вѣтрную рѣчь безвѣстныхъ чужестранцевъ,
 Бывало, слезы лить....
 Средь этихъ шалостей высокій трудъ и дума,
 Вазари и Тацитъ,
 И сладостный пѣвецъ Тибура и Пестума,
 И Дантъ, и Теокрытъ....
 А почи лунныя въ руинахъ Колизея!...
 Мнѣ кажется теперь,
 Что игры звѣрскія я видѣлъ, и, нѣмѣя,
 Внималъ, какъ злился звѣрь,
 Какъ шумно валить чернь, толкаясь, на ступени,
 При кликахъ торжества,
 А на аренѣ двѣ бѣлющія тѣни
 Ждутъ, обнимаясь, льва....
 О, дни волшебныя! о, годы золотые!
 О, какъ свѣтла тогда
 Казалась нашихъ дней надъ милою Россіей

Всходившая звѣзда!

Гдѣ жъ сверстники мои? Гдѣ Штернбергъ? гдѣ Ивановъ?
Ставассеръ милый мой?

Гдѣ наши замыслы? Гдѣ рядъ блестящихъ плановъ?
Гдѣ геній ихъ живой?

Гдѣ пышныя мечты о русскомъ пантеонѣ,
Гдѣ бѣ *нашихъ* имена

Сіяты должны въ вѣкахъ, какъ звѣзды въ небосклонѣ,
Какъ вѣчная весна?...

О, милые мои!... Слезой не провожая,
Какъ чуждыхъ всѣмъ сиротъ,

Ихъ Римъ похоронилъ, кого, увы! не зная
Землѣ онъ предаеть!...

А братъ мой, милый братъ.... ахъ, многіе почили!
И имя ихъ звучить

Воспомнаніемъ какой-то чудной были —
И сердце мнѣ щемить....

Всѣ сгибли, полныя надеждами святыми,
И въ блескѣ силъ своихъ,

И я, осиротѣвъ, я плачу и надъ ними,
И надъ мечтами ихъ....

Ахъ! жизнь моя уже печалями богата;
Уже за мной въ пути

Есть нѣсколько могилъ, есть горе и утрата....
Прости мнѣ, другъ, прости....

Я больше наводить тоски тебѣ не буду
 Непрошенной слезой,
И въ воды быстрыя закидываю уду,
 На все махнувъ рукой.

Н. А. ГОПЧАРОВУ.

Море и зѣмли чужія,
 Профиль народовъ земныхъ —
Всѣ предо мной какъ живыя
 Въ чудныхъ разсказахъ твоихъ.

Сѣверъ нашъ блѣдный, но милый,
 Милый затѣмъ, что родной,
Нынѣ опять мнѣ унылой
 Вдругъ показался тюрьмой.

Въ сердцѣ судьбы оскорбленья
 Злѣе, какъ раны, горять,
И золотыя видѣнья
 Въ даль голубую манять....

Такъ надъ рѣкою ширя,
 Въ городъ, гдѣ пыль и гранить,
 Бѣлая чайка морская
 Въ солнечный день залетитъ ;

Жадно слѣдить мы очами
 Гости нежданный полетъ —
 Точно въ тотъ мигъ передъ нами
 Воздухомъ съ моря пахнетъ.

1855.

П. А. ПЛЕТЧЕВУ.

За стаю орловъ двѣнадцатаго года
Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
И пѣсни чудныя невиданныхъ гостей
Доселѣ памятны у русскаго народа.
Изъ стаи ихъ теперь одинъ остался ты,
И, грустный между насъ, задумчивый, ты бродишь.
И, прежнихъ звуковъ полнѣ, все зора съ высоты,
Куда тѣ лебеди умчались, не сводишь.

1850.

М. А. МИХАЙЛОВУ.

Урала мутнаго степные берега,
Лѣса, тюльпанами покрытые луга,
Амфитеатры горъ изъ сизаго порфира,
Простыя племена, между которыхъ ты
Сбиралъ преданія исчезнувшаго міра,
Далекая любовь, пустынные мечты
Возвысили твой духъ: прощающимъ, любящимъ
Пришелъ ты снова къ намъ — и, чутко слышу я,
Въ стихахъ твоихъ, ручьемъ по камешкамъ журчащимъ,
Ужъ льется между строкъ поэзіи струя.

1857.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОЭМЫ.	СТР.
Три смерти	7
Савонаролла	37
Клермонтскій соборъ	46
Дурочка Дуня (идиллія)	55
Рыбная ловля	65
Жрецъ (отрывокъ)	74
Пѣвецъ (изъ Шамиссо)	80
Послѣдніе язычники	83

ИЗЪ ДРЕВНЯГО МІРА.

Алкивиадъ	91
Аспазія	94
Анакреонъ	96
Юношамъ	98
Анакреонъ скульптору	100
У храма	104
Аркадскій селянинъ путешественнику	106
Преторъ	109

II

МГНОВЕНІЯ.

	СТР.
Весна	113
«Голубенькій, чистый»	114
«Мы на дачу перебрались»	115
«Поле выблется цвѣтами».	117
На могилѣ	118
«Все вокругъ меня какъ прежде»	119
Журавли	121
Утро (преданіе о Виллисахъ)	122
Лѣтній дождь. 1	124
2	125
Голосъ въ лѣсу.	126
Эоловы арфы	127
Сѣнокось	128
Въ лѣсу	130
Облачка	132
Нива.	134
Пейзажъ	136
Звуки ночи	138
Болото	140
«Вотъ бѣдная чья-то могила»	142
Ласточки	143
Осень	145
Мечтанія	148
«И городъ вотъ опять!»	150
«Какъ чудныхъ странниковъ сказанья»	152
«Когда гонимъ тоской неутолимой»	155
На смерть М. П. Глинки	156
Розы.	158
«Зачѣмъ, шутя неосторожно»	160

III

	стр.
«Она еще едва умѣетъ лепетать»	162
«Жизнь еще передо мною»	163

Изъ прошлаго:

I. «Люблю если тихо къ плечу моему»	164
II. «Еще я полнъ, о другъ мой милый»	165
III. Размѣнь	166
IV. «Истомленная горемъ»	168
V. «Порывы вѣжности обуздывать умѣя»	169
VI. «Точно голубь свѣтлую весною»	171

ФАНТАЗИИ.

Сонъ въ лѣтнюю ночь	176
Пери	178
Допотопная кость	180
Импровизація	182

ЖИТЕЙСКІЯ ДУМЫ.

«Въ юдоли плача и порока»	187
Вихрь (отрывокъ)	189
Старый хламъ	196
«Уйди отъ насъ»	199
Филантропы	200
Послѣ бала	201
«Передъ твоей душой пугливой»	203
Утопистъ	205

IV.

	стр.
Мать и дочь	207
«Надъ прахомъ генія свершать святую тризну» (отрывокъ) . . .	212
Онъ и она (четыре картины)	214

МОТИВЫ ГЕЙНЕ.

Гейне (прологъ).	225
I — XXX	227—270

НОВОГРЕЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

I. «Ласточка примчалась»	275
II. «Словно ангелъ бѣлый»	276
III. «Что горы потемнѣли»	277
IV. «Межъ тремя морями башня»	279

ПОСЛАНІЯ.

П. М. Ц—у	283
Я. П. Полонскому, I-e	285
II-e	286
И. А. Гончарову	291
П. А. Шлетневу	293
М. Л. Михайлову	294

UC